

Анатолий Георгиевич Алексин Необычайные похождения Севы Котлова

Анатолий Алексин Необычайные похождения Севы Котлова

Часть первая ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

С ЧЕГО ВСЁ И НАЧАЛОСЬ...

Это началось на уроке немецкого языка. Я поднял руку и сказал:

– Анна Рудольфовна, можно закрыть окно? А то прямо мурашки бегают...

Анна Рудольфовна сняла пенсне, не спеша оглядела окно, потом всю нашу парту и, наконец, меня в отдельности.

– Свою просьбу вы, Котлов, вполне могли бы изложить по-немецки. Кроме, разумеется, слова «мурашки», которого мы еще не проходили.

Анна Рудольфовна была единственной учительницей в нашем классе, да, пожалуй, и во всей школе, которая называла учеников на «вы». С этим «вы» у нас случалось много разных историй. Вот, например, скажет Анна Рудольфовна ученику, стоящему у доски: «Вы свободны», – и мы все дружно вскакиваем со своих мест.

Получив разрешение, я стал коленями на подоконник, еще шире раскрыл окно и высунулся на улицу.

– Котлов, зачем столько лишних движений? – сказала Анна Рудольфовна. – Чтобы сделать простой перевод с немецкого, вы зачем-то наваливаетесь на парту, сопите и даже высовываете язык. А чтобы закрыть окно, вылезаете на улицу.

Я ничего не ответил Анне Рудольфовне, а только еще больше свесился вниз.

Наконец я все разглядел, спрыгнул на пол и, тяжело вздохнув, направился к своей парте.

– Котлов, вы же забыли закрыть окно, – сказала Анна Рудольфовна.

И в самом деле, как же я забыл? Надо было выкручиваться.

– А я, Анна Рудольфовна, вижу: люди внизу без пальто ходят. Ну, значит, думаю, потеплело уже!

– Потеплело? – Анна Рудольфовна развела в стороны свои полные руки. – А как же ваши мурашки?

– Все нормально! – бодро ответил я и сел на свое место.

– Ничего но понимаю! – по-немецки воскликнула Анна Рудольфовна. И с размаху, даже не примеряясь, насадила пенсне себе на нос. – Ничего не понимаю!..

Мой сосед Витька Бородин, по прозвищу Витик-Нытик, прошептал так, словно великое открытие сделал:

– У тебя, Котелок, башмаки только что в починке были, да?

– Откуда ты знаешь?

– А бумажки к подошвам приклеены. – Витька хитро подмигнул: вот, мол, какой я сообразительный. – Ты на коленях стоял, а я твои подметки разглядывал.

И любил этот Витька всякими пустяками заниматься! Я взял ручку, как всегда навалился на парту и написал на белом клочке: «В „Авангарде“ идет „Под чужим именем“. Заграничная! Во всю стену – человек в черной маске, со шпагой и в сапогах с отворотами».

Витька ответил мне на том же белом клочке: «Значит, опять завтракать не придется? Очень есть хочу».

Я с презрением посмотрел на голодного Нытика, для которого какие-то несчастные пончики в масле были важной черной маски, шпаги и сапог с отворотами. «Можешь проедать свои деньги! – со злостью написал я. – В кино нас все равно не пустят».

– Почему-у? – сразу забыв про пончики, разочарованно прошептал Витька.

На белом клочке больше не было места, и я тоже ответил шепотом:

– Потому что чертову бумажку уже повесили.

«Чертовой бумажкой» мы называли зловерное объявление у дверей кинотеатра:

«Дети до 16 не допускаются». А как мы в тот день мечтали быть в «Авангарде»!

«И неужели это правда, что взрослые люди, в особенности женщины, хотят выглядеть помоложе? – думал я. – Не верю! Только сумасшедший может убавлять себе года. Ведь для взрослых – все на свете удовольствия. Вот мой старший брат, Дима. Он может смотреть в кино любую картину, и во взрослую читальню записаться, и вечером на симфонические концерты ходить. Ну, я, положим, не особенно рвусь на симфонические концерты. Но почему все-таки ему можно, а мне нельзя?..» В общем-то, мои рассуждения ни к чему не привели. Так что можно считать, что все началось не на уроке немецкого языка, а после этого урока, когда Анна Рудольфовна, прощально помахав пенсне, сказала нам: «Ауфвидерзеен!» – и мы вырвались на большую перемену.

Я сразу побежал на четвертый этаж, к своему старшему брату Диме.

С каждым этажом ребята все взрослели, а большая перемена становилась все тише. На втором этаже носились, кричали, свистели и толкались самые лихие, самые буйные – пятые и шестые классы. На третьем этаже тоже шумели и бегали, по уже не дрались и не свистели. А уж на четвертом были тишина, спокойствие и даже свои правила уличного, или, верней сказать, коридорного, движения: старшеклассницы под руку и в обнимку ходили по самому центру коридора, а старшеклассники с умным видом жались у стен и подоконников.

К Диме я бежал за деньгами на завтрак. Мама уверяла, что если дать мне эти деньги утром, дома, так я их до школы не донесу.

На большой перемене, солидно порывшись в своем кошельке, Дима всегда говорил:

– Сейчас же прямым ходом – в столовую. И бери не селедку, а что-нибудь существенное. Ведь обедать будем только вечером. Я проверю! Смотри, Котелок!..

Проверять-то он, конечно, никогда не проверял, а говорил все это просто так, чтобы унижить меня в глазах своих товарищей. Но и на этом Дима не успокаивался: он напяливал на нос свои очки в толстой оправе, как у Ботвинника, разглядывал меня и обязательно делал какие-нибудь замечания.

– Эх, Севка, уже всю рубашку помял! Если бы сам гладил, так не мял бы, наверное!..

– Эх, Севка, всю куртку в чернилах вымазал! Если бы сам покупал, так, наверно, не мазал бы!..

Честное слово, мне казалось, что Дима никогда в жизни не был в пятом классе, а так прямо и родился на свет важным девятиклассником в роговых очках! Да, хорошо быть взрослым человеком: всегда можешь поизмываться над младшим братом да еще со всех сторон похвалы за это получать: «Ах, какой ты заботливый брат! Ах, какой ты внимательный!» В тот день Дима, как обычно, выдал мне деньги, приказал по дороге в буфет никуда не сворачивать и уже приготовился сделать замечание, но не успел.

Мимо какой-то подпрыгивающей, воробьиной походкой проходила Диминая классная руководительница – маленькая седая старушка. Она, между прочим, учила ребят математике еще тогда, когда не то что я, а даже мои папа на свет не родился. Старушка остановилась, заглянула снизу мне в лицо и сказала Диме:

– Котлов, это твой младший братишка? Я так и подумала: вы похожи как две капли воды.

И, взяв меня за пуговицу, она спросила:

– В каком ты классе?

– В пятом "В".

– В пятом? Ишь какой рослый! Меня обогнал и тебя, Котлов, скоро перерастет.

– Да, в смысле роста он не подкачал, – ответил Дима таким тоном, будто во всем, кроме роста, я очень даже подкачал.

– Похож. Удивительно похож! – повторила старушка. – Только вот зрение он себе еще не успел испортить. А так, если не считать очков, одно лицо. Тебя как зовут?

Я, помню, не сразу ответил старушке, потому что в ту самую минуту меня осенила одна очень важная идея. Просто потрясающая! Вот с этого все и началось...

МНЕ – ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ!

На последнем уроке все рисовали цветочные лепестки, тычинки и пестики. И Витик-Нытик тоже рисовал, деловито посасывая кончик чернильного карандаша.

Губы у него сделались синие, словно он целый день в реке сидел. Я толкнул Витьку в бок, и один пестик в его тетрадке сразу стал длиннее других.

– Ну-у, во-от еще!.. – заныл Витька. – Все испо-ортил!.. Зарывшись в учебник и будто разглядывая рисунки, я прошептал:

– Вопрос есть. Очень важный!

Витькины уши зашевелились от любопытства.

– Как ты думаешь, наш Димка фотографируется в очках или без очков? А?

Витька жалобно вздохнул:

– Насмехаешься, да? Издеваешься?.. Это была Витькина болезнь: ему всегда казалось, что кто-то над ним издевается, что кто-то его обижает или одурачивает.

– Бородкин, тебя удивляет структура цветка? – спросила ботаничка. – У тебя есть вопрос?

– Да не-ет... – протянул Нытик. И снова взялся за рисование.

«В очках или без очков? В очках или без очков?» – все время думал я и, сам того не замечая, строил из лепестков и тычинок короткие слова: «Под чужим именем... Под чужим именем...» Домой мы с Витькой бежали, толкая прохожих и бормоча себе под нос какие-то извинения, которые, кроме нас самих, никто не слышал. Витька еле поспевал за мной, но, и задыхаясь от бега, он умудрялся все же потихоньку скулить:

– Ну, скажи-и, в чем дело? Ну, скажи-и... Сам все знаешь, а мне не говори-ишь...

Я только отмахивался от него:

– Вот дома все проверю – тогда скажу. Подожди меня у парадного. Я мигом!

Мама считала меня растяпой номер один. Но были еще растяпы номер два и номер три – Дима и папа. Им было категорически запрещено таскать с собой документы: «Обязательно потеряете! Или в троллейбусе вытащат».

– А если я вдруг нарушу правила уличного движения, – восклицал папа, – и у меня

потребуют паспорт?

– Не делай этого! – преспокойно отвечала мама. – Человек без паспорта не должен нарушать никаких правил.

И дома паспорта лежали не где-нибудь в открытом ящике, а прятались в книжном шкафу, прямо в книжках. Папин паспорт – в третьем томе Мамина-Сибиряка, а Димин – в восьмом томе Малой советской энциклопедии.

Я стал поспешно листать страницы: перед глазами мелькали портреты, диковинные машины, скелеты рыб и древних животных. Но паспорта не было... В спешке я и не заметил, как тонкая темно-зеленая книжечка выскользнула из пухлого синего тома. Паспорт валялся на полу, у моих ног, – тот самый паспорт, который мама всегда брала только двумя пальцами, как драгоценность какую-нибудь.

Я поднял паспорт, раскрыл его – ну, ясно, так я и знал!

Дима нарочно сфотографировался в очках, чтобы испортить все дело. Вставил свои глаза в противные черные рамочки и еще ехидно улыбается сквозь них: вот, мол, ничего у тебя и не выйдет!

На самом деле Дима вовсе не улыбался, а очень даже напряженно смотрел куда-то вдаль. Но это я после разглядел.

Я подошел к зеркалу, посмотрел на Димину фотографию, а потом на себя: на фотографию – и на себя. Лица, конечно, похожи. Но вот очки...

Дима часто называл меня «великим комбинатором». Я еще тогда не читал книжки про «великого комбинатора» и думал, что это какой-нибудь очень симпатичный, умный и находчивый человек. Дима называл меня так недаром: ведь я никогда не унывал больше пяти минут, а на шестой минуте уже находил выход из любого положения. Так было и на этот раз.

Я вспомнил, что в левом ящике письменного стола лежат мамины очки. На работу мама ходила без очков и надевала их только по вечерам, когда читала, да еще в кино захватывала.

«А есть ли какая-нибудь разница между мужскими и женскими очками? – подумал я. – Вот сейчас узнаю».

Я достал из письменного ящика гладенький пластмассовый футляр, вынул из него очки. Они были не в толстой роговой оправе, как Димины, а с тоненьким черным ободком. Но ведь каждый человек может, например, разбить свои очки и потом купить другие. Или даже иметь две пары очков: одни домашние, а другие, так сказать, парадные, выходные. Конечно, может!

Я надел очки на нос, подошел к зеркалу – и увидел какую-то расплывчатую, бесформенную физиономию. Казалось, что я переглядываюсь сам с собой сквозь мутное стекло. Как же я буду ходить в этих очках по улице? Но тут я вспомнил, что мама, отрываясь от книги и желая сделать мне какое-нибудь замечание, всегда глядела поверх очков. Я сдвинул металлическую дужку на кончик носа и взглянул на себя поверх тоненьких черных ободков. А потом – на Димину карточку; на карточку – и на себя. Права была старушка учительница: одно лицо!

Не снимая очков, я помчался вниз. Витька чуть сумку не выронил:

– Ты-ы?..

– Нет, не я. Во все не я! Перед тобой девятиклассник, круглый отличник учебы и дисциплины Дмитрий Котлов. Не веришь? Проверь, пожалуйста!

С этими словами я протянул Витьке паспорт.

– Опять издеваешься? Опя-ять?..

– А что, разве не похож?

– Похож-то похож, но...

– Раз похож – значит, дело в шляпе, – перебил я Нытика. – Пойду в кино под чужим именем. Понял?

– А я-я?..

– Что ты?

– А я домой, да?..

– Так ведь паспорт у меня один. Был бы у тебя похожий старший брат – и ты бы пошел в кино. Сам виноват!

– А ты на Димкин паспорт сразу два билета возьми.

– Возьми!.. Билеты не берут, а покупают. Понял? За деньги! А ты свои деньги в буфете проел. Ведь проел, да? Витька грустно кивнул головой и снова затыкнул:

– Возьми-и меня... Я только издали посмотрю, как у тебя с билетом получится... И сразу уйду. Только посмотрю. Возьми-и, Котелок!

Котело-очек!..

Мне стало жалко Нытика: ну разве он виноват, что у него нет старшего брата, а есть только одна маленькая сестра, да и та на него ни капельки не похожа?

И аппетит у него какой-то ненормальный: вот взял и потратил все деньги на пончики. Таких людей жалеть надо.

«ПРИГОТОВЬТЕ ПЯТЬДЕСЯТ КОПЕЕЧЕК!»

Смотреть все время поверх очков оказалось не так-то легко: глаза очень уставали. Да и кончику моего носа было как-то но по себе: сперва он только чесался от металлической дужки, а потом вовсе онемел под тяжестью маминых очков. Тогда я подтянул дужку к переносице и стал смотреть сквозь стекла.

Все кругом сразу расплылось.

И тут я подумал: "Зачем же так истязать свои глаза и свой собственный нос?"

Зачем? Буду надевать очки только, как говорится, при предъявлении документа. Не мог раньше додуматься!" Я спрятал очки в боковой карман куртки, и все вокруг опять стало нормальным: люди как люди, деревья как деревья и солнце в небе как солнце: круглое, золотистое, с ровными, а вовсе не расплывчатыми краями.

Ноги мои задвигались легче, веселее. И даже так весело, что мы с Витькой перебежали улицу в неполюженном месте. И сразу спину мне защекотал свисток милиционера.

Обычно в таких случаях мы с Витькой ныряли в первый попавшийся магазин.

Витька и сейчас так сделал. А на меня вдруг напала какая-то необычайная храбрость. Я быстро посадил очки на кончик носа и вразвалочку, не торопясь, зашагал к милиционеру.

– Куда ты? Куда-а? – кричал мне из дверей магазина Витька.

Но я уже был на середине улицы.

– В чем дело? – спросил я у милиционера.

– Был бы постарше, мы бы тебе показали, в чем дело!..

– А что именно вы бы мне показали?

– А то именно, что документики бы твои проверили?

– Ах, документы? Пожалуйста!..

Я вытащил паспорт и протянул его милиционеру. Тот козырнул мне и сразу перешел на «вы». Но от этого «вы» мне легче не стало.

– Так у вас, оказывается, паспортчик имеется?! – почему-то очень обрадовался милиционер. – Порядок! Вот мы вашу прописочку проверим. Так...

Все нормально. Тогда, будьте любезны, приготовьте пятьдесят копеечек.

Милиционер попался очень обходительный: он так и сыпал уменьшительными словечками, а себя почему-то величал во множественном числе.

– Что вы просили приготовить? – словно не понял я.

– Пятьдесят копеечек, молодой человек! Бывшую пятерочку, так сказать!

Штрафик вам уплатить придется. Если бы вы каким-нибудь мальчишкой неосознательным были, тогда, понимаете, другой разговор. А то паспортчик имеете! Взрослый, можно сказать, гражданин. Понимать должны. Так что, будьте любезны.

Я вспомнил нашего учителя математики. После хорошего ответа у доски он всегда с удовольствием потирал руки и говорил:

«Получите-ка свою пятерочку». Сейчас положение было совсем другое: пятерочку надо

было не получать, а отдавать.

В кармане у меня лежало всего сорок копеек. Но и их я вовсе не собирался отдавать этому ласковому милиционеру. Для вида я немного пошарил в карманах и говорю:

– Вот несчастье: бумажник дома забыл!

– Ага, очень даже понятно, – усмехнулся милиционер. – Правила нарушать вы не забыли, а бумажник, значит, забыли.

– Значит, забыл...

И зачем меня понесло сюда, на середину улицы? Забыл про свои шестнадцать лет! Вот удрать бы сейчас. Но удирать было нельзя: паспорт был в руках у милиционера. Он разглядывал его так внимательно, словно хотел наизусть выучить все, что было выведено на водяных знаках густой черной тушью.

А в это самое время пешеходы у него за спиной перебежали улицу, где хотели.

«Хоть бы спасибо сказали! – со злостью думал я. – А то бегут – и никакого внимания!» Вид у меня, наверно, был очень расстроенный, потому что милиционер поспешил меня успокоить:

– Не беспокойтесь, молодой человек. Мы вам повесточку домой подошлем. Тогда уж, правда, побольше заплатит придется. Но ничего не поделаешь, раз бумажник забыли. Вот и ваш адресочек сейчас перепишу.

И он переписал мой «адресочек» в какой-то растрепанный блокнот, состоявший из отдельных листиков. Потом протянул мне паспорт, снова козырнул и зашагал себе как ни в чем не бывало посредине улицы.

А я вернулся на тротуар.

– Ну что? О чем ты с ним разговаривал? – набросился на меня Витька.

– «О чем, о чем!» – огрызнулся я в ответ. – Хорошо вам, молокососам, без паспорта!..

ПОПАЛСЯ!

В кассе остались только самые дорогие билеты. Значит, нужно было ждать, пока начнется очередной сеанс и кассирша начнет продавать билеты на следующий. А ведь до этого она еще закроет свое окошко и будет минут двадцать стучать деревянным штампиком по синей билетной книжке, словно азбуку Морзе выстукивать.

В нашем распоряжении было часа полтора. Что же делать?

Я сразу вспомнил про взрослую читальню. Она была совсем рядом, на углу, но попасть туда я раньше никак не мог: записывали только по паспорту. «Вот пойду сейчас и попрошу книжку про великого комбинатора. Надо же узнать в конце концов, с кем сравнивает меня Дима!» Я много раз слышал, как Димины приятели читали эту книжку вслух и хохотали так, что однажды даже дворничиха снизу пришла: «Надо, молодые люди, и совесть знать!» А мне бывало не до смеха: меня каждый раз выставляли в другую комнату. Я, конечно, прилипал ухом к замочной скважине, но из-за их дурацкого хохота ничего толком не мог понять. Чаще всего Димины приятели читали главу про какой-то шахматный турнир. Дима ее прямо всю наизусть знал.

«Сейчас вот и про турнир почитаю и вообще посмотрю, что уж там такого смешного», – думал я, с трудом открывая тяжелую дверь читальни, всю увешанную объявлениями о разных читательских конференциях и обсуждениях.

– А я-я?.. – заныл Витька. – Ты будешь смеяться, а я буду здесь ходить как дурак. Да-а?..

– Если можешь, ходи как умный. Мне не жалко.

– Сам ты уж больно умный. Хи-итрый ты! Вот!.. – Витька опустил голову и обиженно заколесил по прохладному и темному вестибюлю.

– Можешь объявления почитать! Тоже интересно! – крикнул я ему уже сверху.

И тут меня кто-то схватил за руку.

– Вы что, молодой человек, на бульвар пришли? Седая полная женщина в синем халате

была очень возмущена, вся покраснела и даже руками размахивала, а говорила еле слышным шепотом.

Мне, между прочим, всегда казалось, что у библиотекарей какие-то особые голосовые связи. «Это у них чисто профессиональное, – объяснил мне как-то Дима. – Знаешь, от вечной темноты можно ослепнуть, а от вечной тишины – потерять половину своего голоса».

– И вообще мы детей не обслуживаем, – произнесла библиотекаря так тихо, словно рядом спал тяжелобольной человек и она очень боялась его разбудить.

– Мы только по паспорту записываем.

– Вот и прекрасно! – шепотом воскликнул я. – Нечего здесь всяким несовершеннолетним слоняться. Пожалуйста!..

Я протянул паспорт – и вдруг мне показалось, что на библиотекарше не синий халат, а синяя милицмейская форма и что в руке у нее не толстый граненый карандаш, а полосатый орудовский жезл. Точь-в-точь как мой ласковый знакомый милиционер, только шепотом, она сказала:

– Так у вас, оказывается, паспорт есть? А вести себя в читальне не научились? Были бы вы каким-нибудь там шестиклассником, тогда другое дело.

А то – взрослый человек!

Библиотекарша обвела меня сердитым взглядом, как говорится, с головы до ног, и вдруг какая-то жалость появилась у нее в глазах. Казалось, она хотела сказать: «И какой же ты маленький для своего возраста! И какой же ты шупленький!» – Ладно уж, запишу вас, так и быть.

Она направилась к своему столику, по краям которого стояли длинные узкие ящики с карточками. И тут я с ужасом вспомнил, что ведь Дима давно уже записан в этой самой читальне.

– Не надо меня записывать, – схватил я библиотекаршу прямо за синий рукав.

– Не надо... Я уже и так... давно к вам хожу...

– Где же ваш читательский билет?

– Билет?.. Ах, билет?! Билет я дома забыл.

– Тогда придется паспорт в залог оставить.

– Конечно! – обрадовался я, нацепляя на нос мамины очки. – Возьмите себе на здоровье!

Библиотекарша удивленно подняла на меня глаза, но ничего не сказала.

– Мне бы «Двенадцать стульев», – попросил я уж таким тихим шепотом, что она даже и не расслышала толком.

– Стулья? Да, да, стулья для читателей имеются, конечно. Пожалуйста, садитесь, – сказала она, все так же жалостливо разглядывая меня. – Садитесь. Вы что-то слегка побледнели.

Да, я, конечно, побледнел, когда она заговорила про читательский билет. Но теперь уж опасность миновала.

Седаая библиотекаря была похожа на старую добрую учительницу, и ей, наверно, очень трудно было сердиться.

– Мне бы книжку «Двенадцать стульев»... Книжку... – уже громче попросил я.

Она довольно ловко для своих лет поднялась по деревянной приставной лестнице и с трудом вытащила потрепанную книжку, плотно зажатую соседними томами. Книжный ряд тут же сомкнулся, и даже никакой щелочки не осталось.

Библиотекарша медленно погладила потрепанную книжку, потом погладила корешки других книг, будто утешая их: «Ничего, мол, ваша соседка скоро вернется на свое место». Спускалась она с лестницы гораздо медленней, чем поднималась, нежно прижимая книжку к груди.

Книга эта сразу, уже одним своим видом, мне очень понравилась. Я любил зачитанные книжки с пожелтевшими страницами и зубчатыми, потрепанными краями. У таких книг даже запах какой-то особенный: понюхаешь – и сразу читать захочется.

Я вошел в читальный зал, весь уставленный очень солидными и важными столами. Я еще ни разу в жизни нигде не заседал, но мне всегда казалось, что именно за такими вот длинными столами происходят всякие длинные и скучные заседания, против которых статьи в газетах помещают. В зале была мертвая тишина. И только сами книги, которые чувствовали себя здесь полными хозяевами, чуть-чуть нарушали ее: они осторожно переговаривались, шелестя страницами. Все сидели с опущенными головами, словно провинились в чем-нибудь.

Я пошел к самому дальнему столу, за которым сидел один только человек – пожилой, лысый дядя. На улице стоял конец апреля, а дядя был в белых полотняных брюках и белой рубашке с отложным воротником. Словом, одет он был до того по-летнему, что мне показалось, будто в читальном зале очень жарко и душно. На столе возле пего лежали белая панама и палка с толстой гнутой ручкой.

Читая журнал, лысый дядя все время улыбался и согласно покачивал головой.

Я стал перелистывать «Двенадцать стульев» и вскоре понял, что Дима сравнивает меня с самым настоящим жуликом. «Ну ладно! – подумал я. – Вот прочту побольше книг и найду, с кем тебя самого сравнить!.. Найду какого-нибудь злодея!» Но вскоре я перестал злиться и начал потихоньку хихикать, что почему-то доставило лысому дяде большую радость. Можно было подумать, что он вместе со мной читает книгу и ему тоже очень смешно.

Наконец я добрался до главы о шахматном турнире и уж захохотал прямо во все горло. В дверях сразу появилась старая библиотекарша. Вид у нее был такой, словно в доме начался пожар и пламя уже пожирало самые ценные книги.

– Что вы делаете? Как вы себя ведете!..

За меня библиотекарше ответил лысый дядя:

– Ничего особенного. Просто молодой человек очень заразительно смеется, а смех – это те же витамины. Послушайте, как он хохочет. Нам с вами так уж не похотать!

– Но хохотать надо про себя! – возразила она.

– Нет, вы послушайте только, что здесь написано! – воскликнул я, думая рассмешить библиотекаршу. – Здесь написано: «Великий комбинатор играл в шахматы второй раз в жизни...» Всего второй раз! А полез сражаться на тридцати досках!..

– Ну и что? – преспокойно спросила библиотекарша. – Это вовсе не значит, что можно безобразничать в читальном зале. Смейтесь, пожалуйста, про себя.

Иначе я вас просто выведу отсюда.

– Не дают развернуться молодому организму, – вздохнул добрый лысый дядя.

А я продолжал читать про шахматный турнир. Я, честно говоря, не очень-то понимал, как это можно «хохотать про себя». Но все же старался: зажимал рот рукой, фыркал то в рукав, то в носовой платок, а то прямо в книжку.

Глава о турнире с каждой строчкой становилась все смешнее. Когда, наконец, «великий комбинатор» проиграл двадцать девять партий из тридцати возможных, мне очень захотелось прочитать эту главу Витьке Бородкину. «Ходит сейчас один по вестибюлю, читает объявления, – с жалостью подумал я. – Небось уж все их наизусть выучил!» Витька хоть и был нытиком, но мы с ним все-таки родились в одном доме, «дружили, как говорила мама, буквально с пеленок» и всю жизнь за одной партой сидели.

Да и вообще я очень любил пересказывать своим приятелям и папе с мамой фильмы, которые мне нравились, и книжки любил перечитывать вслух. Читая, я все время предупреждал:

«Ох, сейчас страшно будет!.. Ох, сейчас смешно будет!..» И если мои слушатели и правда волновались или смеялись, я получал огромное удовольствие. Мама говорила, что это «непроизводительная трата времени»:

«Лучше бы сам что-нибудь новенькое почитал». А папа не соглашался с мамой и говорил, что в моем характере понемножку «торжествует общественное начало».

В общем, мне очень захотелось почитать Витьке главу из «Двенадцати стульев». Но как это сделать? Как вынести книгу в вестибюль?

План созрел довольно быстро: засуну «Двенадцать стульев» в штаны, под ремень, и выйду, как будто для того, чтобы попить газированной воды. Пить мне и правда хотелось. Все было просто. Но как только я начинал засовывать эти «Двенадцать стульев» под ремень, лысый дядя поднимал на меня свои добрые глаза, а мне приходилось нежно прижимать книжку к груди, как это делала старая библиотекарша. Лысый дядя умилялся чуть не до слез:

– Ах, до чего наша молодежь любит литературу! Когда же наконец он углубился в свой старый журнал и на несколько минут оставил меня в покое, оказалось, что надо расстегнуть пояс, потому что «Двенадцать стульев» в брюки не лезут. Для маскировки я вытащил рубашку из брюк – и тут добрый дядя вновь с любовью взглянул на меня. Заметив некоторое изменение в моем туалете, он очень удивился.

– Как-то жарко, знаете. Душно... – объявил я и стал обмахиваться краем рубашки, вытащенной из брюк.

– Температура вполне терпимая. И даже прохладно, я бы сказал. Но, может быть, вам не по себе, молодой человек?

Добрый дядя перегнулся через стол и схватил меня за кисть руки. Но пульс у меня оказался абсолютно нормальным.

– Да нет, ерунда, – тихонько вырывался я. – Сейчас все пройдет.

– Не говорите так, не говорите. Сердце – очень загадочный механизм. От него можно ждать всяких сюрпризов и неожиданностей. Вот я – врач, а и то не поручусь за свой двигатель внутреннего сгорания. – Он похлопал себя по груди. – Так что понюхайте немного нашатыря.

Он достал из потайного кармашка брюк маленький пузырек и, перегнувшись через стол, поднес его к моему носу. Пузырек был вонючий, но пришлось нюхать.

Два раза чихнув, я почувствовал заметное облегчение, заправил рубашку обратно в брюки, а добрый дядя посоветовал мне:

– Если еще когда-нибудь почувствуете духоту, охлаждайте прежде всего голову, а не живот. И дышите поглубже. Я обещал всегда действовать именно таким образом. Еще некоторое время добрый дядя ворчал по поводу излишней перегрузки учащихся домашними заданиями, огорчался, что я так рано испортил свое зрение и уже вынужден носить очки. Но вот наконец он взглянул на часы, сказал: «Мне пора!» – и направился к выходу.

Теперь уж ничто не могло помешать мне. Я запихнул книжку в брюки, под пояс, и тоже пошел к двери. Я старался идти как можно уверенней, но шаг у меня получался каким-то напряженным, деревянным. «Двенадцать стульев» неприятно щекотали живот и все время грозили вывалиться наружу.

Увидев меня, старая библиотекарша привстала и наклонилась над столиком:

– Вы куда же собрались, молодой человек?

Согласно паспорту я за один день постарел сразу на три года, но никогда еще мне так часто не напоминали о моей молодости: все – и милиционер, и добрый дядя, и старая библиотекарша – называли меня «молодым человеком». А раньше меня называли просто мальчиком, без всякой добавки «молодой».

– Попить что-то захотелось, – объяснил я библиотекарше.

– Попить? Так у нас ведь графин на каждом столе.

– Ах, графин? А я что-то не заметил... Мне, знаете, газированной воды захотелось. С сиропом...

– А книжку вы в читальном зале оставили?

Я хотел было сказать: «Да, конечно, оставил!», но сама книга не дала мне соврать – она вдруг стремительно нырнула в левую штанину моих брюк. Я вскрикнул, согнул ногу в колене, как аист, и схватился за штанину.

Разговаривали мы все время шепотом, а вскрикнул я полным голосом, так что библиотекарша от неожиданности вздрогнула и схватилась за край стола. Так мы оба и вцепились руками: я – в штанину, а она – в стол.

– Что с вами, молодой человек?

– Судорога ногу свела...
– Судорога? Странно! А почему у вас брючина так раздулась?
– Опухоль. Нога, что ли, опухла...
– А вот я вам сейчас разотру ногу – и судорога пройдет. – Библиотекарша подошла ко мне. – Да вы не стесняйтесь: у меня уж внуки такие, как вы.
– Не трогайте! Не трогайте мою ногу, – зашептал я. – Там воспаление...
– Воспаление хитрости, как говорит моя маленькая внучка. – С этими словами библиотекарша вытащила книгу из моей левой штанины и потрясла ею в воздухе.
– Вы хотели похитить книгу, источник знаний?! – воскликнула она.
– Я не хотел похитить... Я только Витьке показать... Вынести на минутку – и сразу обратно...
– Сейчас вот занесу вашу фамилию в наш «черный список врагов книги» – и больше сюда не показывайтесь. На порог вас не пустим!..
Она достала из ящика мою темно-зеленую книжечку, переписала все данные о бедном Диме в свой «черный список» и буквально швырнула паспорт на край стола.
А я молча взял его и поплелся вниз...
Витька все еще петлял по вестибюлю. Заметив меня, он испугался:
– Что случилось, а?
– Молчи, Нытик несчастный! Все из-за тебя... Из-за тебя нашего Диму больше никогда не пустят в читальню. Никогда!.. И он умрет необразованным человеком! Понял?

ОДИН НА ДВОИХ

В очереди у кассы я оказался самым первым – так что мог даже опираться на маленький деревянный подоконничек. Само стеклянное окошко было еще закрыто, сквозь щелку пробивался желтый электрический свет, и было слышно, как кассирша штампует билеты.

С другой стороны на деревянный подоконничек опирался еще и милиционер, следивший за порядком. Он был не похож на того милиционера, который переписал в растрепанный блокнот мой «адресочек»: этот был гораздо нарядней – весь какой-то начищенный и выглаженный.

Милиционер был очень вежлив и внимателен к людям, стоявшим в очереди за моей спиной.

– Очень прошу вас, товарищи, прижмитесь к стене. Вам же удобнее будет: никто не заденет, не толкнет (он именно так и сказал – «не толкнет»). И не волнуйте себя, пожалуйста. Билетов много, всем достанется.

Но я уже давно заметил, что даже самые воспитанные и вежливые люди как-то недоверчиво относятся к нам, к мальчишкам. Словно мы обязательно должны сделать что-нибудь плохое.

– Чего ты здесь разлегся? – совсем другим голосом, будто в нем сидело два разных человека, сказал мне милиционер. – Все равно билетов не получишь.

Услышав эти слова, Витька, прятаясь где-то в уголке возле автомата, очень обрадовался и даже глупо заулыбался: вот, дескать, ничего у тебя не получится. Сейчас вместе домой пойдем!

Я поверх маминых очков взглянул на милиционера, потом с презрением – на Витьку, вынул из бокового кармана Димин паспорт и помахал им в воздухе.

– Тогда извиняюсь, – сказал милиционер и зашагал по вестибюлю. – Сейчас будем кассу открывать, товарищи. Прижмитесь к стеночке, получше прижмитесь.

Милиционер, заложив руки за спину, как победитель, один расхаживал по вестибюлю, а все прижимались к стенке.

Наконец кассирша убрала фанерную дощечку, закрывавшую окно, и по очереди пронесся радостный ветерок: «Дают! Дают!..» Очередь ожила, зашевелилась.

Я поверх очков взглянул на кассиршу, которая, как все кассирши кинотеатров, была усталая, строгая и не глядела на людей, а только – на билеты и деньги.

– Какие у вас самые дешевые? – спросил я, поверх очков изучая разложенные на столике синие билеты и план зала, в котором еще не было зачеркнуто ни одного места.

Кассирша подняла на меня глаза (это было очень плохим признаком!) и каким-то безразличным голосом процедила:

– Есть по двадцать.

Я протянул в окошечко двадцать копеек, запотевших у меня в ладони. А взамен получил узкий синий билетик на свое самое излюбленное место – в первом ряду партера.

Когда Витька понял, что домой ему все же придется идти одному, он очень загрустил:

– Ну во-от. Всегда так получа-ается...

Мы стояли в темном углу, возле автомата. Молодой человек в пиджаке, зеленом, как скамейки на нашем бульваре, подскочил к телефону, быстро-быстро набрал номер и заворковал:

– Мусенька, я достал самые лучшие места. Восемнадцатый ряд! Как ты любишь... Самая серединка.

– Нашел чем хвастаться, – тихо сказал я. – По пятьдесят, наверно. У меня вот по двадцать – это я понимаю! Витька вздрогнул:

– По двадцать? Ты по двадцать достал? Так, значит, еще двадцать копеек у тебя осталось? Ведь десять-то ты со вчерашнего дня сэкономил... Чего же ты мне билет не купил?

– Ой, не догадался!

– Ну да-а, не догада-ался. А еще това-арищ называется. Теперь мне домой идти, да-а?..

Мне было стыдно перед Нытиком: «И как же я в самом деле не догадался?» – А ты чего сам молчал? – набросился я с досады на Витьку. – Где ты сам был раньше?

– Я думал, у тебя ничего не вы-ыйдет... Я думал, не полуучится... Да еще по двадцать копеек... Откуда я знал? Вдруг несчастный Витик оживился:

– Слушай, Котелок, а если тебе еще раз в очередь стать? А? И мне билет достанешь. Тогда вместе пойдем. А?

– Да как же я второй раз?.. Нельзя.

Витька ничего не ответил, а молча, опустив голову и грустно постукивая себя портфелем по коленкам, побрел к выходу.

Мне стало жаль бедного Нытика. «И как же я не догадался сразу попросить два билета? Очень уж внимательно кассирша Димин паспорт разглядывала... Вот я и растерялся. Но что теперь делать? Не идти же Витьке домой одному. Это нехорошо будет, не по-товарищески как-то».

И я снова стал в очередь. Но уж не к окошку, а в самый-самый конец. И по всем правилам, как требовал милиционер, прижался к стене. А еще я прижался и даже слегка пригнулся для того, чтобы не слишком вылезать вперед и не попадаться на глаза милиционеру. Но он, прохаживаясь перед очередью, как полководец перед строем, все же заметил меня:

– Вам что, молодой человек, одного билета мало? Спекулировать собираетесь?

– Н-нет... Я не спекулировать. Я товарищу очередь занял.

– Товарищу? А где ваш товарищ? В Анапу уехал? «При чем тут Анапа? – подумал я. – Вот радуется, вот торжествует: думает, припер меня к стенке в прямом и переносном смысле! А я не поддамся!..» – Товарищ мой в Анапу не ездил. Ему там делать нечего. Вон он стоит. – Я преспокойно кивнул на Витьку и вышел из очереди, как бы уступая ему место.

Побледневший от страха

Витик прижался к стене вместо меня.

– И ему тоже шестнадцать стукнуло? – немного растерявшись, спросил милиционер.

– Еще как стукнуло! – бодро соврал я. В самые трудные минуты на меня всегда находила отчаянная храбрость.

– И какая мелкота пошла! – буркнул милиционер. Он презрительно оглядел невысокого, а от страха уж совсем съежившегося Нытика.

Проверять у Витьки паспорт милиционер все-таки не стал: побоялся, что опять осечка выйдет.

Но кассирша-то обязательно потребует паспорт – в этом я был уверен. Голова моя работала, как говорится, с полным напряжением. А что-то внутри так и подмывало не сдаваться, добиться своего.

Я незаметно сунул Витику Димин паспорт и шепнул:

– Покажешь кассирше. Только, смотри, не раскрывай, а так, издали помашаи.

Ясно?

– Я-ясно, – жалобным шепотом ответил Нытик. Он до того перетрусил, что ему уж, наверно, и в кино идти не хотелось.

– А деньги? – вспомнил он. – По одному-то паспорту не дадут. Деньги нужны!

Я сунул ему в руку двадцать копеек.

– Ничего не полу-учится, – промямлил Витька. Честное слово, смотреть на него было противно. Через каждые две минуты он оборачивался и повторял:

– Вот уви-идишь, ничего не полу-учится...

Я бы с удовольствием вытащил несчастного Нытика из очереди, отобрал у него паспорт и деньги. Но у меня появился прямо какой-то спортивный интерес: надо получить еще один билет, обязательно надо!

Чтобы не видеть кислой физиономии Нытика, я отвернулся к двери и стал смотреть на улицу. А в это время с грузовика в глубокую яму, вырытую на краю тротуара" осторожно опускали липу с длинными переплетенными корнями и застрявшей в них землей. Железные пальцы подъемного крана цепко держали дерево за ствол.

"А вот интересно, откуда привезли эту липу? – подумал я. – И где она росла раньше? Наверно, где-нибудь на краю пестрой полянки. Слушала она себе пение птиц и не думала, что привезут ее сюда, на шумную улицу, и посадят прямо напротив кинотеатра. И что каждый вечер под ее раскидистыми ветвями вместо птичьих песен будут раздаваться одни и те же слова:

«У вас нет лишнего билетика? Лишнего билетика нету?» Мои мысли были прерваны громким возгласом Нытика:

– Это мой паспорт! Мо-ой!..

Я обернулся и увидел ужасную картину: кассирша привстала со своего места, от злости чуть не просунула голову в узкое окошко и, потрясая раскрытым Диминим паспортом, кричала:

– Я по этому паспорту уже продавала билет. Где ты его взял? Говори, где!..

– Это мой паспорт. Мо-ой!.. – бубнил бледный, растерянный Нытик.

– Нет, не твой! Пока владелец не найдется, не отдам документ – и все!..

Увидев, что Димин паспорт в опасности, я бросился к кассе.

– Владелец уже нашелся! Нашелся владелец! Я тут...

– Ах, это ваш? А как же к нему попал?

– Н-не знаю...

– Не знаете? А может, он украл у вас? При слове «украл» милиционер грозно двинулся к кассе. Нытик съежился. Надо было спасать его!

– Нет, он не украл. Вовсе не украл... – быстро заговорил я, обращаясь то к кассирше, то к милиционеру. – Он не украл. Это я сам дал ему. Просто так, на время... Поносить...

– Ах, поносить дали? – еще сильнее возмутилась кассирша. – Так вы свой паспорт у администратора получите. Вход с улицы, за углом.

Кассирша уселась на свое место.

Вся очередь весьма неодобрительно оглядывала нас с Витькой. А одна ехидная гражданка, из тех, что всегда вмешиваются в чужие дела, поджала свои тонкие губы-полоски и спросила:

– У вас, что же, молодой человек, один паспорт на двоих? Очень оригинально!

Я снова навалился на знакомый уж мне деревянный подоконничек.

– Отдайте мой паспорт. Отдайте!

Но кассирша не обращала на меня никакого внимания. Она вновь глядела только на билеты и деньги да отрывисто повторяла:

– Вам какой ряд? Вам за какую цену?

– Отдайте мой паспорт!

Люди в очереди стали возмущаться и оттирать меня от окошка.

– Не мешайте, молодой человек. Не задерживайте очередь. Вам русским языком сказано: получите у администратора!..

ПАСПОРТ В ПЛЕНУ

Итак, мой паспорт оказался в плену.

Администратор был взъерошенный, злой человек, который, казалось, не спал двадцать ночей подряд. Он сидел в маленькой голубой комнатке. В стене, за его спиной, было проделано полукруглое окошко, закрытое голубой, под цвет комнаты, фанеркой. В окно то и дело стучали, но администратор не открывал его, а только пожимал плечами и произносил все время одну и ту же фразу:

«Вот люди! Вот люди!..» Войдя в комнату, я вздрогнул и спрятался за раскрытой дверью – так что со стула, стоявшего в уголке, меня не было видно. На этом самом стуле сидел, опираясь на палку с толстым гнутым наконечником, мой сосед по читальне – добрый лысый дядя.

Администратор заметил меня, но не обратил никакого внимания. Он пристально следил за своими пальцами. А пальцы его барабанили по стеклу, лежавшему на столе и уже треснутому во многих местах. «Добарабанился!» – подумал я.

Лысый дядя между тем говорил:

– Поймите, что ко мне приехал зять из Актюбинска. Я не видел его уже пять лет!

Администратор продолжал барабанить, следя за пальцами, словно боялся сбиться с мотива.

– Может быть, и ваша дочь скоро выйдет замуж. И у вас тоже будет зять.

– Моя Дочь учится в третьем классе, – буркнул администратор, не поднимая головы.

– Ну, так она лет через десять выйдет замуж. Стекло стало слегка потрескивать.

– Ну, хорошо, хорошо... Допустим, ваша дочь никогда не выйдет замуж и у вас вообще не будет зятя.

Допустив это, администратор так хватил кулаком по столу, что стекло разлезлось в стороны, как по швам, по трем старым трещинам.

– Успокойтесь, пожалуйста, – мягко сказал лысый дядя.

– Да что вы меня успокаиваете, как ребенка! В Москву каждый день приезжают десять тысяч зятьев, и я не могу всех их устроить вместе с тестями на девятичасовой сеанс. Не могу!.. Зятьев – тысячи, а сеанс – один. Идите сейчас – на дневной.

– Но мой зять приехал в командировку, и он не может днем.

– А я не могу вечером!

Тут зазвонил телефон. Администратор снял трубку, и лицо у него вдруг стало милым, приятным, а волосы, казалось, причесались сами собой. «Нет, он, кажется, прекрасно спит по ночам!» – подумал я.

– Здравствуйте, Лев Петрович, – замурлыкал администратор в самую трубку, точно боялся, что Лев Петрович его не услышит. – Да. Пожалуйста, пожалуйста... Наши двери гостеприимно раскрыты для вас. На любой! Конечно, на любой! Да хоть целый ряд занимайте.

– Значит, у вас все-таки есть билеты на девятичасовой сеанс? – раздался вдруг дрожащий голос дяди, который в этот момент был не таким уж добрым. – Льву Петровичу,

значит, и без зятя можно, а мне...

Администратор замахал руками: дескать, ладно, получите свои билеты – только разговаривать не мешайте!

Повесив трубку, он порывлся в ящике стола, достал оттуда маленький квадратный листик, поднял глаза, чтобы найти ручку, и тут, наконец, обратил на меня внимание:

– А вам что нужно?

Я подошел поближе и увидел, что паспорт мой преспокойно лежит на краю стола.

– У меня вот... отобрали...

Администратор поспешно схватил паспорт и переложил в ящик, точно я мог стащить его и убежать.

– Паспорт, молодой человек, вы не получите. В школу отошлем!

– Отдайте паспорт... Я больше не буду. Никогда не буду... – угрюмо пообещал я.

Тут лысый дядя, который снова стал добрым, узнал меня и приветливо поднялся ко мне навстречу.

– А-а, старый знакомый! Какими судьбами? За что арестовали ваш паспорт?

Повернувшись к администратору, он прижал палку к груди и заверил:

– Мальчик не мог сделать ничего плохого.

– Он не мальчик! – зло отчеканил администратор. – Был бы он мальчишкой – тогда другой разговор. А то ведь вполне взрослый, самостоятельный человек.

Паспорт уже имеет!

Господи, и как же мне надоели эти разговоры: «Был бы он мальчишкой – тогда другой разговор...» Как я хотел поскорей положить паспорт на место, в восьмой том Малой советской энциклопедии, и поскорей вернуться в свои милые и симпатичные тринадцать лет! Как я хотел!.. Но сделать это было не так-то легко.

– Хорошо. Допустим, что он взрослый человек, – продолжал заступаться за меня добрый дядя. – Но он все же не мог совершить ничего дурного. Я видел недавно, с каким подлинным упоением читал он книгу. А человек, любящий литературу, не способен на дурные поступки. Не спо-со-бен! Литература поднимает, возвышает, очищает... Тут какая-то ошибка. Он не мог сделать плохого.

– Ошибка? Не мог сделать?! – Администратор с жалостью взглянул на лысого дядю: как, мол, плохо вы разбираетесь в людях. – Да он, если хотите знать, передал этот паспорт какому-то своему дружку, не достигшему положенных шестнадцати лет, чтобы тот незаконным путем купил билет в кассе!

Добрый дядя взглянул на меня, как бы спрашивая: «Неужели вы это сделали?» Я опустил голову. Видя мое смущение, администратор совсем уж разошелся:

– Не получит он свой паспорт. Не получит! Учить их надо!

– Совершенно справедливо, – подхватил добрый дядя. – Надо учить! Вот и давайте лучше побеседуем с молодым человеком. Может быть, нам удастся убедить его, перевоспитать.

– Здесь не детский сад! И не исправительная колония! – хмуро возразил администратор. А я стоял и упрямо повторял:

– Отдайте мой паспорт. Отдайте!..

– С юридической точки зрения, вы не имеете права отбирать у него паспорт.

Вот побеседовать, объяснить, даже в крайнем случае сообщить в школу...

За этот «крайний случай» и ухватился администратор. Перебив доброго дядю, он сказал:

– Ладно. Хорошо. Паспорт я ему отдам. Но в школу позвоню обязательно!

– А вот мы побеседуем с молодым человеком, обратимся к его совести, – не отступался добрый дядя. – И тогда, быть может, отпадет необходимость в вашем звонке.

– У этих сорванцов нет никакой совести! – выходил из себя администратор. – И ни к чему нам с вами обращаться. Просто ни к чему! Вы – культурный человек, газеты читаете, наверно. А что там пишут? «Не проходите мимо! Но проходите мимо!» А вы проходите и

даже, можно сказать, пробегаете. Наверно, еще прикуривать детям на улице даете и билеты у них покупаете по двойной цене. Знаем мы таких! Читали! Хватит!

– Вот именно: хватит! – поднялся добрый дядя. – Довольно. Вы – сторонник карательных мер, а я – воспитательных, И мы с вами никогда не договоримся.

Я вот уж второй раз сегодня наблюдаю, как этого молодого человека ругают, но даже не пытаются побеседовать с ним по-человечески, объяснить...

– Мне некогда тут болтать со всякими сорванцами, – ответил администратор.

– А чем вы так уж заняты, интересно знать? – с ехидством, которого я уж никак не ожидал от него, спросил добрый дядя. – Билеты Льву Петровичу организуете?

– Уж не вам, по крайней мере!..

Я понял, что ни добрый дядя, ни его зять из Актюбинска сегодня в кино не попадут. И все из-за меня!

Администратор достал мой паспорт из ящика и, держа его в руке, спросил:

– Так какой номер вашей школы?

Я мог бы, конечно, назвать любой номер. Любой!.. Но я так много хитрил и обманывал в этот день, что мне вдруг очень захотелось сказать правду. Да и перед добрым дядей было неудобно: ведь он так верил в возможность моего исправления! И я назвал номер своей школы, как-то даже не подумав в ту минуту, что опасность грозит вовсе не мне, а Диме. Ни в чем по повинному Диме!

Администратор с недоверчивой улыбочкой зашелестел страничками Диминого паспорта. Добрался до прописки и стал изучать ее, чуть не разглядывая на свет.

– Да... По району совпадает. Странно!.. – сказал он. – Завтра же позвоню директору школы. Учить таких надо! Добрый дядя смотрел на администратора с жалостью, как на какого-нибудь конченого человека.

– Эх, не верите вы людям! А ведь столько, наверно, разных фильмов видели.

Могли бы уж научиться!..

Не дожидаясь ответа, он вышел из маленькой комнаты, зло постукивая своей палкой. И совсем даже забыл о билетах на девятичасовой сеанс – вот до чего рассердился!

А я, спрятав Димин паспорт в боковой карман курточки, тоже поплелся вслед за ним.

Добрый дядя нарочно шел очень медленно, чтобы я мог догнать его. А когда я догнал, он остановился и сказал:

– Вот вы, молодой человек, читали сегодня книгу двух блестящих сатириков.

Читали? И вполне законно восторгались ею. А не подумали вы о том, что, будь эти сатирики сейчас живы и узнай они о вашем сегодняшнем поступке, вы бы вполне могли стать мишенью для их беспощадного пера. И очень даже удобной мишенью.

Добрый дядя не знал, что я уж давно сделался такой мишенью: ведь не зря же, оказывается, Дима сравнивал меня с «великим комбинатором»! Я ничего не ответил, а только низко опустил голову и поплелся дальше. А он, видно, пожалел меня и постучал своей палкой, требуя, чтобы я вернулся.

– А вообще-то, молодой человек, запишите телефон одного моего друга по гимназии и коллеги – специалиста в области желез внутренней секреции. Он поможет вам... Как бы ото сказать?.. Ну, подрасти немного... Окрепнуть! И в плечах стать пошире. А то вы несколько хилы для своего возраста. Да-да... несколько жидковаты...

«ХВАТИТ С НАШЕГО ДИМЫ, ХВАТИТ!..»

Витька ждал меня на улице. Он бродил вдоль кинотеатра, волоча портфель чуть не по тротуару и печально постукивая им то по одной, то по другой ноге. Вид у него был самый виноватый.

– Все из-за меня-а? Да-а?.. Я махнул рукой.

– Пошли домой. Там разберемся.

– Домо-ой? А как же билет?

И тут только я вспомнил, что в кармане у меня лежит билет на очередной сеанс.

– В кино я не пойду. Иди сам, если хочешь. Я протянул Витьке билет. Он осторожно взял его, потом вернул мне. Потом снова взял и стал разглядывать все печати и штампы, которыми, словно какой-нибудь лиловой татуировкой, был разукрашен весь билет.

– Не-ет, один я не пойду. Давай продадим лучше. За двадцать копеек сразу купят.

– Продавать?! – набросился я на Витьку. – Как ты сказал: продавать? Нет уж, хватит! Хватит с нашего Димы на сегодня!

– А при чем тут ваш Дима?

– Очень даже «при чем»! Подумают, что мы спекулируем, задержат, а влетит снова нашему Диме. Хватит!

Я со злостью разорвал билет на мелкие синие клочочки и, как говорится, развеял их по ветру.

«Бедный Дима! – думал я ночью, ворочаясь с боку на бок, и вздыхал. – Бедный!..» Дима уже дважды интересовался, почему я не сплю и не получил ли я случайно двойку. Потом он спросил, не выдал ли я себя где-нибудь за участника экспедиции в Антарктиду. Дима был уверен, что я способен решительно на всякую выдумку. Не дождавшись моего ответа, он еле слышно и безмятежно, как младенец, засопел носом.

Если бы он знал, что его ждет завтра! Пришлют домой штраф – это раз. Не пустят в читальню – это два. Пожалуются директору школы – это три. Ну, штраф – еще полбеда. Несколько дней не буду завтракать – мне ведь не привыкать! – и все уплачу. А как быть с читальней и с директором школы?

Надо завтра все же рассказать Диме. Нет, не завтра, а сейчас же, сию минуту! Я вскочил с кровати, прошлепал по полу и тихо дотронулся до Диминого плеча.

– Ты не спишь?

Идиотский вопрос! Как будто я не видел, что он спит как убитый. Еще два-три энергичных толчка – и Дима ожил. Он открыл глаза. И, как всегда бывает со сна, не сразу понял, где он и что с ним происходит. А потом во всем разобрался и преспокойно спросил;

– Что? Опять какая-нибудь идея?

Мне и по ночам иногда приходили в голову идеи, наедине с которыми я никогда не мог оставаться до утра. Я будил Диму и рассказывал ему о своих планах.

Но он их никогда не мог оценить по достоинству, а всегда называл «бредом» или еще более странно и грубо – «собачьей чушью».

Но сейчас дело было весьма серьезным.

– Димочка, я должен рассказать тебе...

– Завтра, завтра!

Если бы он знал, что будет завтра!..

Шлепая обратно в постель, я думал о том, что носить паспорт в кармане и считаться совершеннолетним человеком – это, в общем, не такое уж простое дело. Да, совсем не простое!

Директор нашей школы Елена Кирилловна сидела в маленькой комнате за маленьким столом. С одной стороны был телефон, а с другой – развернутый, словно книжка на деревянной подставке, календарь. Мне даже показалось странным, что все это, вместе взятое, называлось не просто скромной комнатухой, а очень солидно – кабинетом директора.

Елена Кирилловна была такая же невысокая и полная, как вчерашняя библиотекарша,

такая же седая и такая же полудобрая-полустрогая.

Еще в канцелярии школы, которая была как бы приемной перед кабинетом директора, я поклялся себе быть твердым, смелым и сознаться во всем до конца. Но как только Елена Кирилловна подняла на меня свои строгие и немного удивленные глаза, я сразу понял, что сказать всю правду не смогу ни за что на свете. Я переступал с ноги на ногу, как журавль в зоопарке, оглядел подоконник, который был весь уставлен работами наших кружков «Умелые руки», и, наконец, тихо-тихо спросил:

– Елена Кирилловна, вам еще сегодня не звонили? Она вдруг громко рассмеялась и почему-то схватилась при этом за сердце.

– Не звонили, говоришь? Да у меня телефон вообще не умолкает. Голосит себе целый день и разрешения не спрашивает.

Словно желая подтвердить, что Елена Кирилловна говорит правду, телефон бодро зазвенел. Голос у телефона и в самом деле был слишком громкий для такой маленькой комнатки.

– Ну вот, легок на помине!

Елена Кирилловна сняла трубку – и сразу помрачнела.

– Нет, нет, обсуждать это по телефону не буду. Чтобы поговорить о своем сыне, о судьбе сына, вы обязаны найти время и прийти в школу. Обязаны!

«Ну, если она родителей так отчитывает, – подумал я, – то что же будет со мной? Что будет?!» Рассерженная телефонным разговором, Елена Кирилловна и ко мне уже обратилась гораздо строже:

– Так о каком звонке ты говоришь?

– Из «Авангарда»...

– Откуда?

– Ну, из кинотеатра...

Елена Кирилловна вновь повеселела.

– Разве директоров стали приглашать на новые фильмы? Это бы неплохо было! А то в очереди не достоинься.

Я через силу заулыбался, показывая, как это было бы хорошо, если б директоров школ прямо по телефону приглашали в кино. Но улыбался я недолго.

– Что же мне должны были сообщить из «Авангарда»? – снова строго, по-деловому спросила Елена Кирилловна.

– Про моего старшего брата. Про Диму Котлова...

– Это из десятого "А"? Знаю. Хороший у тебя брат.

– Он-то сам по себе хороший... – залепетал я. – А получилось с ним нехорошо. То есть не с ним... а с одним другим человеком... Понимаете?

– Ничего не понимаю.

– Ну в общем, вам скажут, что Дима передал свой паспорт одному своему другу, чтобы тот тоже купил билет...

– А разве у нас билеты стали по паспортам продавать? Вот что значит редко в кино ходить, – совсем от жизни отстала.

– Да нет, – успокоил я Елену Кирилловну. – Это не всем. А только нам, кому еще шестнадцати лет не исполнилось. Понимаете?..

Елена Кирилловна задумчиво подперла подбородок кулаком, а пальцами другой руки стала барабанить по стеклу, лежавшему на столе. Но только барабанила она не так зло, как администратор в «Авангарде», а очень легко и еле слышно, словно и пальцы ее вместе с головой тоже о чем-то задумались, что-то соображали.

– Та-ак... Начинаю понимать, – медленно сказала Елена Кирилловна. – Неужели Дима Котлов мог пойти на такой поступок?

– Нет, он не мог пойти! И не пошел! И никогда не пойдет!.. Честное слово, никогда не пойдет! – стал я горячо защищать бедного Диму. – Это был не наш Дима... А совсем другой мальчик из нашей школы...

– Разве в нашей школе есть еще один Дима Котлов? – удивилась Елена Кирилловна. – Котлов... редкая фамилия!

– Не знаю... Наверно, больше нету... А того, другого мальчика, который паспорт передавал, совсем не Димой звали.

– Не Димой? Но как же к этому другому мальчику из нашей школы попал Димин паспорт? Украл он его, что ли?

– Нет, нет, он не украл. Не украл! Он просто взял на время... Поносить...

– Чужой паспорт? И Дима об этом знал?

– Нет, он ничего не знал!

– А ты?

– Я?.. Тоже не знал... то есть я догадывался... Но только так... слегка...

Совсем немножко догадывался. Понимаете?

– Хочу понять. – Елена Кирилловна подперла подбородок сразу обоими кулаками. – Значит, один мальчик, как ты говоришь, не украл, а просто взял без спросу поносить Димин паспорт. Ходил с ним по городу, купил по нему билет в кино да еще передал его своему товарищу.

– Ну да! – обрадовался я. – Все правильно! Вы все поняли!

Елена Кирилловна взглянула на меня так, что я сразу перестал радоваться.

– А кто же, интересно узнать, этот великий изобретатель?

– Один мальчик...

– Твой товарищ?

– Нет, он не мой товарищ... Он мой знакомый. Но но товарищ... То есть чей-нибудь он, может быть, и товарищ... А для меня – просто знакомый... И все...

– Так надо же немедленно сообщить об этом твоём «не совсем товарище» в милицию: он, может быть, и сейчас ходит по городу с чужим паспортом и творит неизвестно что!

Елена Кирилловна уже дотронулась до телефонной трубки, но я, наверно, так изменился в лице, что рука ее вздрогнула и соскочила с телефона.

– Не надо звонить в милицию... – тихо сказал я. – Не надо. Он ведь уже не ходит с паспортом. Этот мальчик... Он уже вернул его на место. И паспорт лежит себе преспокойненько в шкафу. Честное слово, положил обратно.

– А ты откуда знаешь?

– Я видел...

– Видел? И почему же не схватил, не задержал его – нечестного человека, который причинил такую неприятность твоему брату?

– Я не успел схватить. То есть я схватил, а он сразу взял и вырвался... – И для большей убедительности я добавил: – Чуть рукав его у меня в кулаке не остался!

– Здорово ты схватил! А кто же все-таки этот таинственный мальчик?

Я опустил голову и снова стал по-журавлиному переминаться с ноги на ногу.

«Хоть бы телефон позвонил, что ли?» – с тоской думал я. Но, всегда такой голосистый, телефон тут, как нарочно, умолк. Настроение у меня было плохое.

Ведь я шел к директору, чтобы сказать правду, а получилось так, что еще сильнее заврался и окончательно все запутал.

Елена Кирилловна вдруг улыбнулась и показала сразу все свои красивые белые зубы.

– Ты не хочешь выдавать товарища? Правильно. Не выдавай. Приходи с ним вместе ко мне. Я буду здесь часов до семи вечера. И мы оба с ним потолкуем.

Хорошо потолкуем, чтобы он все понял... А то ведь еще и не до того додумается! Надо его вовремя остановить. Как ты думаешь?

– А он уже сам остановился! – стал я убеждать Елену Кирилловну, для чего-то приподнимаясь на цыпочки и прижимая руки к груди. – Он уже все давно понял!

И сам остановился... Он ведь хороший... Ну, неплохой парень... И он больше не будет додумываться до плохого, а только до одного хорошего!..

– Он тебе обещал, что ли?

- Ну да! Честное пионерское дал!
– Отлично. И все-таки вы с ним приходите ко мне. Сегодня же приходите. Договорились, Сева? Я буду ждать вас. До семи часов вечера.

РОВНО В СЕМЬ

В тот же день одна наша соседка очень удивлялась на кухне:

– Что это случилось с нашим Севооборотом? (Так «остроумно» – Севооборотом, а иногда даже Севообормотом – звал меня соседкин муж, известный всему дому шутник, который очень хвастался своим агрономическим образованием.) Что случилось с нашим Севочкой? Раньше он, если замечали, никогда не ходил открывать парадную дверь – хоть до утра звони, хоть руками стучи, хоть ногами колоти! А сегодня на каждый звонок выскакивает. Светопреставление!

Я и правда выбегал на каждый звонок: ведь я знал, что сегодня обязательно должны принести штрафную повестку, а она ни в каком случае не должна была попасть в руки к Диме или вообще к кому-нибудь, кроме меня.

«Вот бы Дима ушел сейчас из дому!» – мечтал я. Но Дима, кажется, вовсе не собирался уходить. Удобно устроившись на диване, он решал какую-то шахматную задачу. Перед ним, на самой большой подушке, до которой мама и дотрагиваться запрещала, лежал раскрытый на последней странице номер «Огонька» и шахматная доска, в одном уголке которой одиноко притаились четыре фигурки. Дима ерошил волосы, поправлял очки и чесал свой затылок так, что мне казалось, он доскребется в конце концов до самой коры головного мозга. Но задача, как назло, не решалась. «А вот мы так пойдем, – бормотал себе под нос Дима. – А вот если мы так попробуем?..» Каждый раз, возвращаясь в комнату после очередного открывания дверей, я, словно невзначай, сообщал:

– Говорят, на улице погода просто замечательная!

– Вот ты походи и погуляй, – не отрываясь от доски, советовал мне Дима.

«Сам походи погуляй!» – про себя огрызался я. И продолжал вслух:

– А вот сейчас Петр Ефимович пришел. Говорит, скворцы уже прилетели и все почки за одну ночь полопались. Два часа, говорит, по улицам бродил, невзирая на ревматизм.

– Делать нечего твоему Петру Ефимовичу.

Но я не сдавался:

– Я вот сейчас Лидии Кондратьевне дверь открывал. Пошла, говорит, за ботиночками для Борьки, три часа по городу проходила – и забыла купить: такой воздух на улице. Прямо опьяняющий!

На самом деле Лидия Кондратьевна просто не нашла для своего трехлетнего Борьки подходящего номера и вовсе не восторгалась погодой, а на чем свет стоит ругала «торговую сеть». Но вот Дима радостно смахнул фигуры с доски на диван, схватил подушку и подбросил ее под самый потолок (видела бы это мама!).

– Эврика! Эврика!.. Упорство горы сокрушает! Он побежал в коридор, к телефону, чтобы сообщить своему другу Кольке об очередной «сокрушенной горе». И как раз в эту минуту раздался длиннющий звонок в парадную дверь.

Никто из наших соседей так не звонил. Я бросился открывать. Ну, ясно! Все!

Конец! Попался! На площадке стоял пожилой небритый почтальон-мужчина с той особенно толстой сумкой на боку, в которой разносят не письма и не газеты, а деньги, разные важные квитанции и повестки. Дима был совсем рядом, у телефона, а почтальон держал в руке повестку – небольшую, желтенькую и очень ехидную.

– Это мне, это мне, – зашептал я, прямо вырывая повестку у него из рук. – Давайте я распишусь.

И быстро-быстро расписался в каком-то разлинованном журнальчике на глазах у растерявшегося почтальона.

Но тут вмешалась наша соседка – жена знаменитого шутника с высшим

агрономическим образованием по имени Виктория Владимировна.

– Кому здесь почта? – поинтересовалась она, вытирая руки о фартук.

Я замахал повесткой:

– Мне, мне... Не беспокойтесь, пожалуйста.

– Да, гражданину Клячину, – охотно подтвердил почтальон.

– Не Клячину, а КлячинУ, – поправила соседка: она очень не хотела сознаваться, что ее фамилия произошла от такого некрасивого слова – «кляча». И вдруг, сообразив, в чем дело, она закричала: – Так это же нам!

Посылка!.. Мандарины из Самарканда! Я жду эти мандарины, как свежего воздуха, а он схватил их и держит в руке. – Она выхватила у меня повестку, чуть не разорвав ее при этом на мелкие клочки. – Теперь мне все ясно!

Теперь я понимаю, почему письмо от дяди из Архангельска идет уже вторые сутки. И куда девалась позавчерашняя вечерка!..

– Она по воскресеньям не выходит! – только и мог я крикнуть в ответ. И скрылся в комнате.

Я слышал, как Дима долго извинялся за меня перед соседкой, а она отвечала ему:

– Нет, Дима, к вам я ничего не имею. Никаких претензий. Вы вполне интеллигентный молодой человек.

Вслед за этим «молодой интеллигент» появился в комнате и поплотней прикрыл дверь, что значило: «Жди серьезного разговора!» – Зачем ты схватил повестку?.. – начал Дима.

– Я думал, что это нам...

– Как же ты мог «думать», когда там по-русски написано: «Клячину»?

– А что я, обязан все слова от начала до конца читать, что ли? Я посмотрел на первую букву и на последнюю, вижу – "К" и "У". Я и подумал, что «Котлову».

– Оригинальный метод чтения, – съехидничал Дима. – Ты, может, скоро будешь в каждом слове только одну первую букву читать! Замечательная получится рационализация: скоростное чтение!

Я отбивался очень вяло, потому что, честно говоря, мне за эти два дня смертельно надоело врать. Я старался выпутаться из всего этого вранья, но одна ложь незаметно цеплялась за другую, одна выдумка тянула за собой еще десять. И я ничего не мог поделать.

– Ты безнадежный человек, – сообщил мне в конце нашей беседы Дима. – Надоело с тобой разговаривать. Пойду в читальню.

Час от часу не легче! Шутка сказать: пойдет в читальню! Да кто его туда пустит?!

Я схватил Диму за руку.

– Зачем тебе идти в читальню? Что там интересного? И потом, ты же устал...

Вон каков бледный! Пойди лучше в Сокольники, на выставку собак. Там знаешь какая выставка! Говорят, есть такие страшные псы, что собака Баскервилей по сравнению с ними просто жалкий щенок.

Дима только плечами пожал.

– А вот в парке культуры, между прочим, открыли выставку женского платья, – сообщил я. – Сам по радио слышал...

Брат посмотрел на меня, как на сумасшедшего.

Что было делать? Как задержать Диму хоть на пятнадцать минут? А потом, я знал, придет с работы папа, начнется разговор о международных событиях – и Дима сам забудет про читальню.

Я взглянул на наши стенные часы с пожелтевшим от старости циферблатом и снова схватил Диму за рукав.

– Ой, сейчас ведь будут «Последние известия»! И сводка погоды на завтра. А вы завтра как раз на массовку собираетесь. Значит, надо послушать!

– Сам послушай, а потом мне расскажешь.

– Я могу чего-нибудь не слышать... или забыть! Ведь ты же сам говорил, что я безнадежный человек. Вот!

– Да, на тебя надежда плохая, – согласился Дима и присел на диван.

Замысловатая старинная стрелка с резными тоненькими прожилками и заржавленными бугорками приближалась к семи. Вот уж и голос диктора, словно напоминая мне о чем-то важном, предупредил: «Товарищи, проверьте ваши часы!» Радио на миг замолчало, потом из репродуктора стали падать такие знакомые глухие удары...

И тут я вскочил со стула. Семь часов!.. Без одной минуты семь! Меня ждет Елена Кирилловна. Вот сейчас она тоже проворит по радио часы и уйдет из маленькой комнаты, которая так солидно именуется «кабинетом директора». Я пулей помчался в коридор. Слава богу, телефон был свободен. Возле него на желтом ботиночном шнурке косо висела телефонная книга. Я отыскал букву "Ш", потом слово «Школа», потом среди сотен школьных номеров – номер своей школы и набрал его дрожащей рукой.

– Елена Кирилловна? Это я, Сева Котлов...

– Почему же не пришел твой товарищ? Этот таинственный мальчик...

– Он приходил! Приходил, Елена Кирилловна. И вы видели его... Утром, помните? И он уже все понял. Честное слово!

Елена Кирилловна строго сказала, чтобы этот мальчик, то есть я сам, завтра еще раз зашел к ней для очень серьезного разговора. Она так сказала... Но я не испугался! Я даже обрадовался. Да, да, обрадовался! Мне вдруг показалось, будто с плеч у меня свалилось что-то очень тяжелое, такое тяжелое, что даже пол под ногами слегка покачнулся.

– Ладно, Елена Кирилловна. Конечно! Он... то есть я... Обязательно зайду!..

Соседка с кухни крикнула, что «если с таким остервенением вешать трубку, так рычаг скоро отлетит и окажется на полу». Но я ничего не ответил соседке. Я легко и весело зашагал в комнату, хотя разговор мне там предстоял совсем не легкий и, уж конечно, не веселый...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ **«ТАЙНЫЙ СИГНАЛ БАРАБАНЩИКА», ИЛИ КАК Я ВЕЛ ДНЕВНИК**

10 ноября 1957 года

Вчера вечером, когда я слонялся без дела по коридору, мама сказала:

– Займись-ка лучше дневником. Это очень хорошее дело! Каждый день записывай в тетрадку все самое важное. А когда-нибудь, через много-много лет, тебе будет очень интересно прочитать ее своим детям или даже внукам и вспомнить, как ты был маленьким.

– Не маленьким, а школьником среднего возраста! – поправил я маму. – Так ведь и в книгах пишут: «Для среднего школьного возраста».

– Ну, пусть так, – согласилась мама. – Только пиши о себе всю правду, ничего не сочиняй. А то тебе же самому будет неинтересно читать свой дневник, если в нем будет неправда.

– Через много-много лет я уж забуду, правда это была или неправда...

– Ничего ты не забудешь: детство никогда не забывается.

Ну, маме это, конечно, виднее!

Доставая из ящика чистую тетрадку, я думал: «А может быть, я стану не просто взрослым, а каким-нибудь знаменитым человеком? Все люди сразу захотят узнать разные подробности о моем детстве. И вот эта самая тетрадка в клеточку им поможет. Тогда уж она будет храниться не в моем сломанном ящике, который можно открывать только щипцами да плоскогубцами (голыми руками его не возьмешь!), а где-нибудь в музее, под стеклом».

Для начала я изрисовал всю обложку и края первой страницы человеческими головками, фигурками животных, хвостатыми росписями. Первую фразу я начинал три раза и три раза нарочно зачеркивал: я знал, что так именно поступают со своими рукописями всякие знаменитые писатели и поэты.

Но что делать дальше, я не знал. Тогда я пошел в библиотеку и набрал много толстых и

тонких книг. Это были дневники известных людей: путешественников, ученых, писателей... Они все очень подробно описывали в дневниках свою жизнь и жизнь ближайших родственников. Прямо изо дня в день: и кто что сделал, и кто что подумал, и кто что кому сказал. Они и природу описывали, и все свои мысли, и настроения. И я так буду делать.

Потом я почитал Димин дневник, который лежит в нашем книжном шкафу. Ну, Дима пишет главным образом о книгах, которые он прочитал, и о международных событиях, и о своей общественной работе. Мне кажется, это не очень интересно записывать. О международных делах можно будет потом, через много-много лет узнать из газет или журналов. А в дневнике уж лучше писать о собственной жизни.

Я попросил всех наших домашних – и маму, и папу, и брата Диму – помогать мне, проверять иногда мой дневник. И сразу приступил к делу: сделал в тетрадке эту самую первую запись.

11 ноября

Сегодня, ровно в 10 часов 20 минут утра, мне в голову пришла гениальная идея: посадить Лельке Мухиной в парту живого ежа! То есть я не сразу дошел до этого. Сперва я хотел сунуть ей живого ужа.

Это случилось опять на уроке немецкого языка, у той же самой Анны Рудольфовны. Лелька зачем-то полезла в парту. А там лежала мокрая тряпка, которой доску вытирают. Лелька со страху так заорала, что из соседнего класса прибежали две девчонки узнать, не случился ли с кем-нибудь приступ аппендицита?

Потом Анна Рудольфовна целых пол-урока объясняла нам, что трусость – это очень плохое человеческое качество. И что Бетховен в своем музыкальном произведении «Эгмонт» как раз воспевал смелость, а трусость никогда и никто на свете не воспевал. Все это Анна Рудольфовна объясняла нам на немецком языке, чтобы «приучить нас к разговорной речи». Но так как мы к разговорной речи еще не приучились, она почти каждую фразу со вздохом переводила на русский язык.

Так прошло пол-урока – и меня не спросили!

Тогда я и подумал: как же завизжит Лелька, если сунуть ей в парту не какую-то мокрую тряпку, а самого настоящего живого ужа! «Надо, – решил я, – сперва вынуть чернильницу».

Сидит-сидит Лелька на уроке – и вдруг через кругленькое отверстие в парте появляется змея. То есть это Лелька будет так думать, что змея, а на самом деле это будет обыкновенный уж из нашего с Витиком-Нытиком живого уголка.

Тут уж Анне Рудольфовне придется читать лекцию о смелости не меньше урока.

А может, и переменуку прихватит!

Но потом я подумал: если сунуть ужа в начале большой перемены, когда все убегают из класса, он за двадцать минут может преспокойно уползти и не появиться в круглом отверстии для чернильницы. Нет, лучше посадить в парту живого ежика: он заснет себе в темноте, а иголки его и во сне колются.

Решено: не буду сегодня учить немецкого! Ведь завтра вместо урока будет настоящий спектакль!

12 ноября

Сегодня, в самом начале большой перемены, я сделал все, как было задумано.

Положил Лельке в парту своего ежа, которому мой брат Дима дал очень странное имя – Нигилист. Я поинтересовался, кто это такие – нигилисты и за что Дима так обозвал ежика, которого я сам нашел в лесу прошлым летом. «За то, что он никого не признает и всех подкалывает!» – ответил Дима. Мама называла ежика «Севкой номер два», потому что я, по ее мнению, тоже иногда бываю колючим. А мы с Витиком-Нытиком называли его просто Борькой. В общем, у ежа было целых три имени, и он ни на одно из них не откликнулся.

Значит, положил я своего колючего Борьку в парту. И не просто в парту. Я засунул его прямо в мухинский портфель, оказавшийся довольно-таки вместительным, и запер на блестящий серебристый замочек. ижик не уж: он не выползет из Лелькиного портфеля! Счастливым как никогда, побежал я на большую перемену. Целых двадцать минут я носился по этажам и даже спустился вниз, где занимались первоклассники. Я даже изучил всю их стенгазету, в которой было всего две маленькие заметочки, написанные огромными печатными буквами, и много разных картинок, нарисованных цветными карандашами: дома, похожие на сундуки с широкими трубами и толстыми хвостами дыма; пароходы с такими же трубами и хвостами; паровозы – тоже с трубами и тоже с хвостами. Я уж давно заметил, что малыши очень любят рисовать трубы и дым. И почему бы это? Тут ракеты летают, атомные электростанции строятся, а у них дым столбом!

В общем, я старался сделать так, чтобы поскорей промчалась большая перемена: уж очень мне не терпелось узнать, что произойдет на уроке.

А случилось совсем неожиданное.

Я ничего не слышал и ничего не видел, кроме рук Лельки Мухиной. А они, эти маленькие, беленькие ручки, полежали немного на крышке парты, словно отдохнули после перемены, потом поправили волосы, а потом... Потом полезли в парту за учебником. Я затаил дыхание: «Что сейчас будет?!» Вот Лелькины руки скрылись внутри. Вот сейчас... Сейчас Лелька вскочит и завопит на весь класс, на всю школу, на всю улицу! И все ребята тоже вскочат и побегут на помощь Лельке. А потом увидят нашего мирного Борьку и будут долго-долго хохотать. Вот сейчас, сейчас... Но ничего такого не произошло. Лелька преспокойно достала учебник, по-девчачьи аккуратненько завернутый в белую бумагу. Открыла нужную страницу и стала водить пальцем по строчкам.

Я не верил своим глазам! Как же так?! Ведь Борька лежал в портфеле поверх всех учебников и тетрадок. Она не могла, просто не могла не наткнуться на его колючки! И все-таки, словно желая еще больше удивить меня, Лелька снова полезла в портфель и достала оттуда тетрадь с аккуратной розовой ленточкой и такой же аккуратной розовой промокашкой.

Это было какое-то чудо!

Чтобы я но так уж сильно удивлялся, Анна Рудольфовна сказала:

– Котлов, раскройте учебник и работайте вместе с нами! Я сунул руку в свой портфель... И вот тут действительно раздался крик! Но вовсе не Лелькин, а мой собственный. Я вскочил на ноги и стал дуть на руки. И все ребята повернулись ко мне. А Анна Рудольфовна даже поднялась со своего стула.

– Что у вас такое, Котлов?

– Тут эти... Ну, как их?... Которые колются... Гвозди! – сказал я, посасывая уколотые пальцы.

Лелька Мухина жалостливо покачивала головой. Чтобы ребята перестали, наконец, вертеть головой, Анна Рудольфовна решила вызвать меня к доске: там уж меня все сразу увидят.

– Но ведь у меня... Эти самые... пальцы... – проямлил я.

– Вы, надеюсь, будете отвечать не пальцами, – строго сказала Анна Рудольфовна. – Разве голова и язык у вас тоже повреждены?

Я поплелся к доске. Но это даже не очень огорчало меня – одна мысль сидела в голове: «Каким образом Борька попал обратно ко мне в парту? Или он тоже, как и собака, верный друг человека и всегда находит своего хозяина?» Да-а... хорош друг! Все, все испортил! Прав был наш Дима, когда назвал его Нигилистом! Типичнейший нигилист. 13 ноября С Витькой невозможно стало ходить по улице – он то и дело вскрикивает: «Ой, спутник летит! Спутник летит!..» Иногда даже ему кажется, что он видит сразу два спутника, один из которых прямо у него на глазах обгоняет другого. Вокруг нас сразу собираются прохожие. Витька тычет пальцем в небо, и все задирают голову вверх. Но всегда кто-нибудь догадывается раскрыть газету, где черным по белому написано, что в это самое время

спутник должен пролетать над Порт-Саидом или где-нибудь над Аддис-Абебой.

– А мне показалось... – разводит руками Нытик. – Вон там, вон там! Видите?..

И каждый раз оказывается, что это была какая-нибудь самая обыкновенная падающая звезда или разноцветные огоньки на крыльях и хвосте самолета.

Я решил провести наблюдения за искусственными спутниками серьезно и вполне научно. И хотя некоторые видели спутник, как говорится, невооруженным глазом, я все-таки решил вооружить наши с Витькой глаза.

Но чем вооружить?

Мы перерыли все старые сундуки и чемоданы, пропахшие нафталином, но никаких, даже самых старых, подзорных труб и телескопов у наших родителей не оказалось. А между тем в «Последних известиях» по радио передали, что завтра, ровно в 6 часов 10 минут утра, спутник пролетит над Москвой. Что было делать? Я уж совсем приуныл.

Но вот вечером раздался телефонный звонок, и Витька, захлебываясь, торжествующим шепотом сообщил мне со своего нижнего этажа:

– Ура! Нашел старый бабушкин бинокль. Театральный!.. Левая трубка не работает... То есть она работает, но только в одну сторону.

– Как в одну?

– Уменьшает!..

– Это нам совсем не нужно: спутник и так маленький.

– Зато другая и увеличивает тоже! Знаешь, как увеличивает!

– Ну, тащи его сюда!

Ровно через три минуты мы с Витькой уже заперлись в нашей ванной комнате и стали разглядывать бинокль его бабушки. Это был очень старинный бинокль. И красивый: сам весь белый, из камня какого-то (Витька сказал, что из перламутра), а ручка и ободки золотые.

Я посмотрел в один глазок – и наша ванна показалась мне маленькой-маленькой, как крышка от белой мыльницы. А посмотрел в другую трубку – и ванна стала огромной: хоть втроем туда залезай! Посмотрел на рыжую кошку Мурку, прикорнувшую на табуретке, – и она показалась мне настоящим рыжим тигром, усатым и страшным.

– Бабушка с этим биноклем в театр ходила!.. – как-то мечтательно произнес Нытик.

– Подумаешь, в театр! Всякую там ерунду смотрела!.. А мы вот увидим спутник. Понимаешь: искусственный спутник Земли! Твоя бабушка должна быть просто счастлива за свой бинокль, что ему на старости лет выпала такая честь! Понял?

Решено: завтра, в половине шестого утра, мы уходим из дому для научных наблюдений!

14 ноября

Мне казалось, что я всю ночь не спал. Но это было, наверно, не совсем так, потому что мне снились сны. А раз они снились, значит, я все-таки немножко спал. Мне снились спутники и космические корабли, в одном из которых были мы с Витькой. Какая-то планета хитро улыбалась вверху, словно дразнила нас... И мы с Витькой стали добираться до нее. Мы совсем уже почти добрались, но нам помешал будильник.

Я протянул руку, чтобы остановить звонкий дребезжащий голосок, но будильника на стуле не было. Вот удивительно: ведь вчера я поставил его именно сюда! А теперь он трезвонил откуда-то с книжного шкафа. Опять чудеса!

Зато рука моя наткнулась на что-то большое, твердое и продолговатое. Я быстро зажег настольную лампу – и Дима сразу заворчался и заворчал на своем диване:

– Эгоизм! Не может в темноте одеться!

Одеться в темноте я, конечно, мог. Но я никак бы не мог разглядеть предмет, лежавший на стуле возле моей кровати. А это был настоящий полевой бинокль!

Да, да, бинокль! Такой же точно, как те, с которыми ходят и в которые разглядывают поля сражений разные знаменитые полководцы на картинах и в кинофильмах. Честное слово,

я подумал, что еще сплю, Я подбежал к дивану и тряхнул брата за плечо.

– Дима, я сплю, а?

– Завтра ночью ты будешь спать в коридоре! Совсем распустился!..

Нет, это было не во сне! Такую фразу мог произнести только мой старший братец Димочка и только наяву.

Но откуда же полевой бинокль? Откуда?! Я осторожно погладил его, прижал к груди, а потом взглянул сквозь его стекла на Диму. И брат сразу уехал на своем диване куда-то далеко-далеко, чуть ли не на край света. Я перевернул бинокль – и вдруг увидел прямо перед своим носом огромное, свирепое и малознакомое (потому что без очков!) Димино лицо.

– Сейчас же потуши свет!

Одевался я в коридоре. Наша соседка-старушка уже зажигала газовую плиту.

– И что ты так рано поднялся, Сева? Это нам, старикам, не спится. А тебе?..

– На спутник хочу поглядеть, тетя Паша.

– А зачем же вставать так рано? Поглядел бы днем: и светлее и видать лучше.

– Так он, тетя Паша, понимаете ли, в определенное время пролетает. Днем его не будет.

– Ну, погляди, погляди. Потом расскажешь на кухне. Это ты молодец!..

Вышел из комнаты папа в пижаме и с каким-то конвертом в руке.

– Тебе, Сева, вчера поздно вечером прислали бинокль... Я положил его на стул, возле кровати. И еще вот это просили передать.

– Как «прислали»? Как «просили»? Кто именно просил?

– Человек какой-то... Папа потянулся и зевнул.

– Мужчина или женщина?

– Не знаю. Кто-то из соседей дверь открывал, а я не разглядел... Кажется, мужчина.

– «Кажется!» И как это можно было не разглядеть?! Папа не спеша, будто ничего такого не случилось, пошел в ванную комнату.

В конверте лежала записка. Она была напечатана на пишущей машинке:

«Посылаем тебе полевой бинокль для наблюдений за спутником. Завтра же, после уроков, оставь его в своей парте – и сразу уходи! Не вздумай только следить. Если вздумаешь, будет беда!» Внизу стояли три большие буквы: «ТСБ».

Что это значило? Кто прислал мне бинокль? И эту записку?! И что такое «ТСБ»? Ведь никто... никто, кроме меня и Витьки, не знал, что мы собираемся наблюдать за спутником!

Но размышлять было некогда – скоро уж этот самый второй спутник должен был появиться над Москвой! И я побежал к вешалке...

На улице было утро. Или, верней сказать, только так считалось, что это утро, а на самом деле еще стояла самая настоящая ночь. Было совсем темно. И шел мокрый снежок. И было холодно. Витька поеживался и по своей противной привычке скулил:

– Ну да-а, тебе хорошо-о: у тебя теплое пальто. А у меня куртка... Да-а, тебе хорошо-о: ушанку надел. А у меня кепка... А что ты прячешь под пальто?

– Тайна!

– Покажи-и... Ну, покажи-и...

– Не скули! Все равно не покажу. Вот придем на бульвар...

– Покажи сейча-ас!..

– Замолчи!

– А я тогда тебе бабушкин бинокль не дам!

– Ха-ха-ха! – сказал я громовым голосом прямо Витьке в лицо. – Сдалось мне твое театральное старье! Отправь его в музей. Понял? У меня есть кое-что поважнее!

И тут я вытащил свой полевой бинокль. Витьку на утреннем морозе пот прошиб.

– Бинокль?! Откуда?..

– Тайна!.. Сам не знаю.

– Как не знаешь?..

Но тут мы пришли на бульвар. Все лавочки были уже заняты. И это в шесть часов утра! Люди были с телескопами, с подзорными трубами. И только у меня в руках был полевой

бинокль!

Рядом с нами на лавочке сидел старичок – маленький, сморщенный, замерзший.

А телескоп у него был огромный, на высоком треножнике. Этот телескопище был похож на какую-то птицу с тонкими ногами и длиннющим клювом, только без крыльев.

– Тише, тише, молодые люди! – зашептал он нам. – Мы присутствуем при великом событии!..

И мы с Витькой стали переговариваться торжественным шепотом. Я долго разглядывал в свой могучий бинокль и бледное небо, и снежинки, каждая из которых казалась огромным снежным комом, и памятник великому русскому писателю.

А где-то внизу был Витик:

– Дай мне-е... Дай посмотре-еть... Я оторвался от могучего аппарата и взглянул на Витьку. Он со своим стареньким бабушкиным биноклем был какой-то очень несчастный и смешной.

– На, посмотри немножко, – сказал я.

Витька прямо впился в круглые стеклянные линзы. И тут по всему бульвару пошел крик: «Летит! Летит!..» И Витька тоже заорал как полоумный:

– Лети-ит!..

Я вырвал у Нытика бинокль и направил его прямо в небо.

И вдруг сердце у меня забило так сильно, что я даже придержал его локтем: я видел, как по темному небу мчится красная звездочка. Наша! Красная!

– Ур-ра! – завопил я на весь бульвар. И маленький замерзший старичок тоже вдруг разгорячился и подхватил хриплым голосом:

– Ур-ра! Ура, друзья мои!.. Второй спутник в истории человечества. И опять наш!

А когда мы шли с Витькой обратно домой, мы уже твердо решили, что полетим на Марс и куда-нибудь еще подальше. Мы знали: так и будет! Мы знали это совершенно твердо!

А вот откуда появился вдруг полевой бинокль, мы еще не знали. Откуда же?!

17 ноября

Летом можно гонять в футбол, зимой играть в хоккей. А что делать осенью? На улице слякоть, грязь и вообще противно.

Ребята стали приставать к председателю совета отряда Толе Буланчикову:

– Ну придумай что-нибудь! Придумай! Не зря ведь мы тебя выбрали!

Толя морщил лоб, чесал затылок, важно вертел в руках самопишущую ручку, но так ничего умного и не придумал. Тогда он созвал совет отряда совместно с активом.

– Пионер должен быть всем ребятам пример, – сказал Толя. – Он должен все время совершать хорошие, общественно полезные дела!

– Это мы без тебя знаем! – крикнул кто-то. – Ты что-нибудь интересное изобрази! Новенькое!

– Давайте подумаем вместе! Всем коллективом! – предложил Толя.

– Собирать металл! – крикнули сзади.

– Мы всегда собирали, собираем и будем собирать металлолом, – сказал Толя.

И, заглянув в тетрадку, словно не помнил наизусть, добавил: – Из собранного нами металла можно изготовить десять новых автомашин «Волга»!

– А сколько «ЗИЛов»? – ехидно крикнул кто-то.

– Насчет «ЗИЛов» я не в курсе.

– Знаем! Слышали! Это все хорошо!.. Да ты что-нибудь еще придумай!

– Давайте собирать бумажную макулатуру, – пропищала со своей парты Леля Мухина.

– Как тебе известно, Леля, мы и это делаем! – Буланчиков снова заглянул в тетрадку. – Из собранной нами макулатуры можно сделать двадцать тысяч новых тетрадок. И мы будем продолжать эту важную работу.

– Будем, будем! А что-нибудь еще!.. Что-нибудь... чего еще не делали!..

– Может быть, Сева Котлов нам поможет? – сказал Буланчиков. – Он ведь у нас великий изобретатель!

Все повернулись, стали смотреть на меня и ждать. И, наверно, от этого у меня произошло полное затмение мозгов.

Так ничего и не придумав, мы разошлись по домам.

19 ноября

В последнее время я так привык ко всяким чудесам, что даже перестал обращать на них внимание. И я почти не удивился, когда нашел сегодня в парте записку, опять отпечатанную на пишущей машинке: "Эх вы, горе-изобретатели! Неужели ж вы забыли, что почти в каждом доме есть люди, которые нуждаются в вашей помощи: пенсионеры, инвалиды войны? И еще! Прямо напротив школы вырос новый дом. Неужели не заметили? Да ослепли вы, что ли?"

Дом еще надо немного принарядить: очистить от мусора, протереть окна и так далее. Тоже ведь неплохое дело, а? Мозгами надо шевелить, ребятки!" И опять в углу стояли те же три буквы «ТСБ». Я сразу помчался к Толе Буланчикову и потребовал внеочередного созыва совета отряда совместно с активом.

– Мы же только позавчера собирались, – сказал Толя. – Нельзя устраивать заседательскую суетню! Любит наш председатель умные выражения!

– Да при чем тут суетня? Никто вовсе не будет суетиться.

Есть гениальные общественно полезные дела! Понял?

На совете отряда я аккуратно изложил все, о чем было напечатано в таинственной записке. Правда, о самой записке я почему-то забыл упомянуть.

И все подумали, что новые полезные дела придуманы лично мною. Все хвалили меня, называли «светлой головой», «великим изобретателем» и даже «гордостью класса».

И только один Витька заныл:

– Да-а... У нас на весь дом только один пенсионер – и Севка его обязательно захватит.

– Как тебе не стыдно! – возмутилась Наташа Мазурина. – Вы можете вдвоем шефствовать над этим пенсионером. Может, он совсем слабый, больной, бессильный.

– Это хорошо-о, если больной, – протянул Витька. – А если здоровый?!

– Ты но должен так говорить! – вскрикнула Наташа, самая сознательная девочка в нашем шестом классе "В". – И вообще мы должны быть благодарны Севе Котлову: ведь это он все придумал!

Я стал быстро-быстро собирать книжки. Но, впрочем, какая разница, кто это придумал? Важно, что дела хорошие. Это ведь самое главное! А кто придумал, я, между прочим, и не знаю даже. От кого приходят эти записки? И кто такой «ТСБ»? Кто?!

30 ноября

Степан Петрович жил в нашем подъезде на третьем этаже, но мы с Витькой видели его очень редко. У Стопапа Петровича были, оказывается, больные глаза, он очень плохо видел и редко спускался вниз. Чаще всего он просто сидел дома или дышал воздухом на своем балконе. А балкон этот выходил не во двор, а в переулок, а в переулке нам с Витькой делать было совершенно нечего.

В общем, мы редко видели Степана Петровича. А он помнил нас только маленькими, когда мы еще не ходили в школу и не гоняли в футбол. Мы тогда ездили в каких-то белых колясочках по бульвару и вели самый настоящий паразитический образ жизни: целый день или спали, или ели. Степан Петрович сказал, однако, что мы очень славные ребята. Узнав про эти его слова, мама вздохнула:

– Ну, тогда его ждет жестокое разочарование!

И еще мама сказала, что наш подшефный пенсионер станет теперь самым несчастным человеком на свете и что общественность или райсобес должны немедленно спасти его от нашего шефства. Так и сказала: «Спаси!» – Ничего подобного! – возмущался я. – Мы будем за ним ухаживать: варить ему обед, бегать за всякими там покупками, убирать комнату и читать ему книжки!

Мама заявила, что после того как мы один раз сварим обед, надо будет вызывать минимум трех уборщиц, чтобы они скребли кастрюли, в которых все пригорит, чистили плиту и мыли пол. В общем, мама почему-то не верила в наши хозяйственные способности.

И очень зря! Я сразу блестяще все организовал. Прежде всего я распределил обязанности: Витька варит обед, бегаёт за покупками и убирает комнату, а я читаю Степану Петровичу книги и газеты.

Витька, конечно, не согласился. И заныл:

– Ну да-а... Выбрал себе самое легкое!

– Не самое легкое, а самое ответственное! Я взял на себя политическую часть шефской работы! Понял?

Тем более, скоро оказалось, что обед варить вовсе не нужно – это делала соседка Степана Петровича. Значит, за Витькой остались только магазины да еще уборка комнаты. И он выполнял эти обязанности с большим удовольствием.

Он даже научился различать сорта мяса: какое для супа, а какое для котлет.

На рынке Витька обычно долго торговался с молочницами. И тут, между прочим, очень пригодился его характер: он так долго пыл, что молочницы в конце концов уступали ему, лишь бы отвязался. Витька, запыхавшись, влетал в комнату и победным голосом сообщал:

– Сегодня купил молоко на три копейки дешевле!

– Зачем же ото, Витя? – спрашивал своим глуховатым голосом Степан Петрович и протягивал вперед руку: разговаривая с человеком, он почему-то обязательно должен был держать его за плечо или за локоть.

Витька подходил поближе и объяснял:

– Да так интересней! А то скучно очень: подошел, заплатил деньги, купил...

Никаких событий!

Каждое утро Степан Петрович получал сразу четыре газеты, и я читал ему вслух. Сперва я очень волновался и читал с выражением, будто стихи декламировал. Но Степан Петрович сказал, чтобы я читал просто и тихо, как разговариваю, как беседую с товарищами, а не надрывал себе попусту горло. И я стал читать по-человечески.

Но дело, конечно, не в этом. А в том, что, читая каждый день по четыре газеты, я стал очень образованным в политическом отношении. Я лучше всех в нашем классе знал теперь о важных событиях, которые происходят у нас в стране и даже далеко-далеко за ее границами, за рубежом.

Я рассказывал ребятам, что даже разные буржуазные газеты восторгаются нашими спутниками. Потому что ими просто нельзя не восторгаться! И даже эти газеты признают, что мы обогнали Америку в очень важных научных вопросах.

Чтобы ребята не сомневались, я громко и абсолютно наизусть произносил названия зарубежных газет: «Унита», «Дейли Уоркер» и даже всяких буржуазных изданий: «Фигаро», «Темпо»... И даже такие названия, которые выговорить было нелегко. Вроде какой-нибудь «Нью-Йорк геральд трибюн» или «Коррьере делла сера». А то еще и помудренее!

Лелька Мухина заявила как-то, что я все перепутал и что «Фигаро» – это вовсе не название газеты, а имя одного парикмахера из оперы «Севильский цирюльник». Она видела эту оперу в Большом театре. Но тут Лельку подняли на смех, и она чуть не разревелась.

Я читал Степану Петровичу и книги тоже. Только у нас вышли небольшие, как это пишут в газетах, разногласия. Я больше всего люблю книги про войну, а Степан Петрович таких книг не любит. Ему тяжело вспоминать о войне: ведь он и в Финской участвовал и в Отечественной. А в 1945 году под городом Кенигсбергом его сильно контузило – и он с тех пор стал плохо видеть. И два сына его погибли на войне. Их фотографии висели на стене, над

кроватью Степана Петровича, в красных, прямо до блеска отполированных рамках. И когда Витька начинал убирать комнату, Степан Петрович всегда просил его не трогать эти рамки, чтобы он случайно не поцарапал их, не испортил, не разбил стекло. Степан Петрович сам ухаживал за этими фотографиями.

У Степана Петровича большая лохматая голова. И вся белая, седая. А на лице рябинки попадают... Иногда, когда я читаю газету или книгу, Степан Петрович вдруг задумывается о чем-то и опускает свою седую большую голову низко-низко... Я тогда могу замолчать, прекратить чтение, а он и не замечает. Я даже уйти могу – он и этого не заметит. И даже «до свидания» не скажет. О чем он думает? Что вспоминает?..

А иногда он бывает очень веселым и тогда угощает нас всякими вкусными вещами. Даже неудобно получается: Витька купит чего-нибудь к чаю, а мы сами все это и съедим. И Степан Петрович очень доволен! В такие минуты он нас очень часто сравнивает со своими ребятами – с теми, которые на стене, в красных отполированных рамках.

– А мои вот сладкого не любили. Кислое им, бывало, подавай: капусту или огурцы... И мои тоже часто вслух читали газеты или журналы. Я тогда еще видел вполне прилично. А они все равно читали мне. И еще друг у друга книжку выхватывали – один говорит: «Моя очередь!», а другой: «Нет, моя!..» И такие книжки читали мне, которые сами чуть ли не наизусть знали. И все предупреждали: «Вот сейчас будет самое интересное, вот сейчас!..» – И я так часто делаю, – сказал я.

А Степан Петрович в ответ почему-то тихо-тихо погладил меня по голове.

Да, в общем, мы шефствуем над Степаном Петровичем. И я так увлекся этим делом, что даже целых одиннадцать дней дневник не писал. А сегодня вот все сразу и выложил.

Нет, не все. Я совсем забыл рассказать об одном загадочном происшествии.

Оно как раз и Степана Петровича касается.

Спускаюсь я однажды на третий этаж, вынимаю из почтового ящика все четыре газеты, захожу в комнату и вдруг вижу на стене, возле балкона, полевой бинокль. Тот самый! Честное слово, тот самый, который я, согласно приказу, положил после уроков в свою парту. Я тогда в точности выполнил приказ: не стая подглядывать, куда исчезнет бинокль, кто именно придет за ним. И зря не стал подглядывать! Сейчас бы я уже не ломая себе голову, не путался бы в разных дурацких догадках, кто и откуда узнает заранее о всех наших планах, кто вмешивается в них?!

Да, я-то полевой бинокль в парту положил, а он вдруг здесь, у Степана Петровича, на стене оказался!

– Степан Петрович, это тот самый бинокль, да? – спросил я тихо.

– Какой «тот самый»?

– Ну, который... возле моей кровати...

– Возле твоей кровати? Ты что-то путаешь, Сева. Этот бинокль – мой боевой спутник! Он со мной на всех фронтах побывал и столько видел всякого, что просто удивляюсь, как его линзы от ужаса не ослепли. Смерть он видел. И кровь, и дым...

– А тогда, ночью... его никто у вас не забирал? Его ведь вчера на стене не было. Он только сегодня появился.

– Брал его у меня один сосед по дому. Он астрономией интересуется.

– Ах, сосед?!

Нет, сосед Степана Петровича, конечно, не мог переслать бинокль в нашу квартиру: мы с ним и не знакомы вовсе! А может, это совсем не тот бинокль, в который мы с Витиком-Нытиком спутник наблюдали? Может, это просто двойник того бинокля? Ведь на свете, наверно, много одинаковых биноклей! Да, конечно...

А все же странная какая-то история. И вообще много странного происходит со мной в последнее время. Что все это значит? Не пойму. И никто, я уверен, не поймет. Может быть, рассказать все это моему старшему брату Диме? Нет, нельзя: он на смех поднимет, не поверит. А за колючего Нигилиста просто со свету меня сживет. Он ведь у нас такой дисциплинированный, такой сознательный, будто и не школьник вовсе. Лучше дам ему свое

сочинение проверить на тему «О чем я мечтаю».

Я всегда показываю Диме свои сочинения и его дневник, его тетрадки по литературе тоже люблю почитать на досуге. Он, между прочим, недавно написал сочинение про любовь в стихах Пушкина, за которое ему сразу поставили пять с плюсом. Я еще никогда не получал такой отметки.

А это сочинение – «О чем я мечтаю» – мне было особенно трудно писать. Ведь я мечтаю об очень многом: и о полете на Марс, и о новых беговых «норвежках», и об альбоме с марками (особенно с треуголками!); и о том, чтобы наш Димка хоть раз в жизни получил двойку или хотя бы троечку с минусом и перестал быть для меня, как говорит мама, «живым укором»; и о том, чтобы меня приняли в нашу общешкольную футбольную команду хоть когда-нибудь, пусть даже через десять лет (хотя я ведь тогда уже не буду школьником!); и о том, чтобы мою фамилию как-нибудь случайно пропустили в классном журнале – и тогда бы целую четверть не вызывали меня к доске; и о том, чтобы разгадать все таинственные случаи, которые произошли со мной в последнее время.

2 декабря

Моя парта стоит у самого окна, и мне было хорошо видно, как сперва, прямо напротив школы, появилась красная кирпичная коробка – всего в какой-нибудь метр высотой. Потом коробка стала расти, расти – и вот уже обогнала наш второй этаж, потом и третий, а потом всю нашу школу переросла. И вот, наконец, дом построен! Его оштукатурили, словно в новое белое платье одели, и он сразу стал красивым и каким-то таким чистеньким, что к нему и подходить было страшно: а вдруг дотронешься до стопы – и след останется?

Стены-то дома были очень чистыми, прямо белоснежными, а вот вокруг него и внутри скопилось столько строительного мусора, что, казалось, и за месяц не вывезешь!

И вот мы решили устроить субботник по очистке дома. Вернее сказать, это был не субботник, а «вторничник», потому что дело было во вторник. Но все говорили: «У нас сегодня субботник! У нас субботник!», хотя до субботы оставалось еще целых четыре дня.

Я первый раз был в новом и еще не заселенном доме. Ходил по комнатам и все думал: "А кто, интересно, будет жить вот в этой комнате? Может, какой-нибудь старый холостой ученый, каких в пьесах часто показывают, а может быть, целая семья – отец, и мама, и сын. И этот самый сын, может, будет в нашу школу ходить и даже в наш класс. А вдруг?.. И вот они будут жить здесь долго-долго, и дом уже постареет, его будут ремонтировать, и никто не будет знать, что самыми первыми побывали в этой комнате мы, ребята из шестого класса "В"!.. А что, интересно, будет стоять у этой вот стены: тахта, или, может быть, стол, или пианино? А что повесят сюда вот, между окнами?" Я так долго мечтал, что председатель совета отряда Толя Буланчиков сделал мне замечание:

– Ты работать пришел или на экскурсию?

И я стал работать.

Было решено, что для облегчения женского труда носилки будут таскать пионер и пионерка: парень – впереди, а девчонка – сзади.

Мне досталось работать с Наташей Мазуриной. Как я уже, кажется, говорил, это самая сознательная девочка в нашем классе. Учебник истории она, кажется, уже прочла весь до конца и сейчас изучает его уже по второму разу.

Представляете себе, каково мне было работать с этой Наташей! Она то и дело поправляла меня: то я носилки не так держу, то пол где-то поцарапал, то стекла протираю слишком сильно, и они, по ее мнению, могут выдавиться.

К концу работы я очень устал, но вовсе не от носилок и не от работы, а от нудного Наташкиного голоса. Как только позади раздавалось ее знаменитое «и не совестно!», лоб мой сразу становился мокрым. Один раз мы устроили отдых.

И тогда Наташа Мазурина задумчиво сказала:

– А хорошо бы украсить чем-нибудь эти комнаты к приезду жильцов!

– Ну да-а... – возразил Нытик. – Им и новые квартиры, им и подарки тоже...
– Тебе не совестно?! – воскликнула Наташа. Но Витьке не было совестно, и она замолчала.

– А что мы можем подарить, ребята? Давайте вместе подумаем! – обратился к отряду Толя Буланчиков.

Мы все вместе подумали немного и все вместе ничего не придумали. И тогда снова взялись за носилки, лопаты и тряпки.

В самый разгар работы на весь дом раздался вдруг ужасный, прямо-таки душераздирающий крик. Я, конечно, сразу узнал голос нашей Лельки Мухиной.

Мы все помчались в соседнюю квартиру, где работала Лелька. Оказалось, что из кучи мусора выглянул кусок электрического провода, а Лелька почему-то решила, что это змея. Змея в новом доме! До этого могла додуматься, конечно, только наша Муха. Ах, почему я до сих пор не засунул ей в парту живого ужа?! Представляю себе, что будет! Или, может быть, этот уж к концу перемены окажется вновь в моей собственной парте, как и еж Борька? Чудеса, чудеса!..

В общем, мы во время своего «вторничного» субботника очистили от мусора только один первый этаж. А в доме-то еще целых шесть этажей! И зачем такие высокие дома строят?!

3 декабря

Сегодня у нас в школе вывесили «молнию». И в ней через весь квадратный лист ватмана красный заголовок: «Ценная инициатива». А чуть пониже – синей краской: «Равняйтесь на них!» Это на нас, значит, – на наш отряд: на меня, на Толю Буланчикова, на Витика-Нытика и даже на Лельку Мухину. В «молнии» написано, что «все отряды должны подхватить этот славный почин и помочь строителям очистить все шесть этажей от мусора и стройматериалов».

«Молния» сверкнула так ярко, что прямо ослепила всех наших ребят, – они ходят по коридору гордые, задрав носы, а все их нахваливают. Все говорят:

«Молодцы!», «Настоящие тимуровцы!» – и все такое прочее. Даже строгий учитель истории заявил сегодня, что мы, устроив субботник, «оказались достойными наследниками лучших традиций своих отцов»! Вот как здорово!

И никто, конечно, не догадывается, что все это вовсе не наш «славный почин» и не наша «славная инициатива», а выдумка какого-то неизвестного мне человека, который отпечатал на пишущей машинке и сунул мне в парту маленькую записочку и который поставил вместо своего имени три непонятные буквы «ТСБ».

6 декабря

Есть в нашем отряде кружок «Умелые руки». В него записались все ребята: и те, у кого умелые руки, и те, у кого неумелые, тоже. Это Толя Буланчиков так решил, что все должны записаться.

– Каждый нормальный человек должен что-нибудь уметь, – сказал Толя. – И вообще пусть умелые влияют на неумелых!

Толя был прав: каждый нормальный человек что-нибудь да умеет. Вот я, например, сколачивал клетки для нашего живого уголка, а Витик-Нытик мне гвозди и молоток подавал – он это умеет!

А потом, когда в пионерской комнате выставку устроили, на моих деревянных клетках оказались таблички с такой надписью:

«Работа пионеров Вити Бородкина и Севы Котлова». Витька вдруг впереди меня очутился, потому что он по алфавиту раньше идет.

Больше всего на выставке было девчачьих работ: вышивки, вязания, салфеточки,

наволочки всякие и прочая ерунда. Это я тогда, когда выставку смотрел, думал, что ерунда. А потом...

Прибегаю я однажды в класс после второй перемены (это была именно вторая перемена, потому что Дима сверху, со своего четвертого этажа, мне деньги на завтрак приносил и я успел в буфет сбегать), сажусь на скамейку, лезу в парту за тетрадкой – и вдруг рука моя натывается на что-то колючее. «Ах, черт! – думаю. – Неужели наш Борька-Нигилист оставил в парте свою иголку?» Подул на палец, открыл крышку и вижу: разломанным напололам перышком приколота записка.

Опять записка! И опять на пишущей машинке напечатанная! А напечатано в ней было вот что: "И почему только тебя, Котлов, «великим комбинатором» прозвали? Медленно у тебя в башке подшипники крутятся, и не в ту сторону.

Если так и дальше пойдет, тебя неминуемо из Котелка в Кастрюлю переименуют!

А теперь читай внимательно! Не знаете вы, куда девать изделия своего кружка «Умелые руки»? Догадаться не можете? Свалили их все в шкаф, и они там гниют себе на здоровье, моль ими питается. А разве не лучше подарить все это людям, которые в новый дом вселятся? Положите в каждую комнату коврики, вязания, салфеточки. И пусть девочки вышьют на каждом подарке цветными нитками: «С новосельем, товарищи!» Разве плохо будет? А если у вас подарков не хватит, бросьте клич на всю школу: ведь почти в каждом отряде есть кружок «Умелые руки»! Соображать надо!" Ну, а в уголке, конечно, стояла та же самая подпись «ТСБ». И снова мы созвали экстренный внеочередной совет отряда. И снова все кричали, что я «просто гений» и «гордость класса», что у меня «золотая голова», и все такое прочее. А я тихонько отвечал, что «я здесь вовсе ни при чем». Правду говорил, но никто мне не верил, и все от этих моих «ни при чем» только в еще больший восторг входили: «Скромница ты наша! Скромность украшает пионера!.. Всю жизнь будь таким скромным!» И я обещал быть таким всю свою жизнь.

А потом девочки вышили на ковриках и салфеточках разноцветные поздравления.

И мы уже собирались снова идти в новый дом, но тут взбунтовались некоторые мальчишки:

– А как же наши работы? Почему только девочки дарить будут?

Девчонки в ответ заголосили;

– А что делать с вашими моделями глассеров и подъемных кранов? Может, вон в той комнате старушка жить будет и ей ваши глассеры совсем ни к чему? А что делать, например, с Севкиными клетками? Их ведь тоже не подарить!

Представляете себе, как будет мило: входит человек в свою новую комнату и видит – посреди комнаты стоит здоровенная клетка и на ней надпись: «С новосельем, товарищи!» – А если переделать клетку в мышеловку? – вылез со своим предложением Витик-Нытик.

– Как тебе не совестно?! – вскрикнула Наташа Мазурина. – Разве в новых домах бывают мыши?! Мыши и клопы – это пережиток прошлого, понятно?

Мы, мальчишки, сказали, что без наших подарков дело не пойдет. А девчонки сказали, что они тогда одни, без нас, пойдут в новый дом и разложат свои коврики. А мы тогда сказали, что расставим возле дома посты и не пропустим их. А Наташа Мазурина сказала, что у нас внутри сидят пережитки прошлого.

– Ты хочешь сказать, что там сидят клопы и мыши?! – грозно спросил Коля Тимохин, самый сильный у нас в классе в смысле мускулов и самый слабый в смысле учебы, и дернул Наташу за косу.

Тогда Толя Буланчиков забрался на подоконник и, с трудом установив тишину, предложил отложить на один день «торжественную церемонию внесения подарков в новый дом».

– Мы все крепко подумаем, как быть! – сказал Толя. – Всем коллективом подумаем!

И все разошлись по домам очень задумчивые...

7 декабря

Что же нам все-таки сделать, чтобы не одни только девчачьи подарки в новом доме красовались? Неужели мы, мальчишки, будущие, можно сказать, мужчины, не сможем соорудить что-нибудь очень-очень нужное для новых жильцов?!

Гораздо, ну, прямо в сто раз более нужное, чем всякие там салфеточки и подушечки?! Об этом я думал и вчера вечером, когда лег в постель, и сегодня утром, когда бежал в школу.

Я очень спешил в класс, так спешил, что даже три раза споткнулся на ровном месте. И один раз услышал за своей спиной:

«Ишь как младший Котелок в школу катится! По урокам соскучился!..» Это, наверно, сказал кто-нибудь из старшеклассников – тех, кто знал и «старшего Котелка», то есть нашего Диму. В школу я и правда бежал очень быстро, но вовсе не потому, что соскучился по урокам. Нет, я просто был уверен, что в парте меня ждет очередная записка от этого таинственного «ТСБ». Уж он-то подскажет нам выход из положения! Нельзя, ни за что нельзя уступать девчонкам! Они же потом до самого десятого класса, до самого последнего выпускного вечера будут насмеяться над нами и презирать нас!..

Я подлетел к своей парте, отбросил крышку, но никакой записки там не оказалось. Не было там записки от «ТСБ»!

До урока было еще долго. Забравшись на подоконник (я заметил, что именно там, на подоконнике, мне в голову приходят самые гениальные мысли!), я стал думать. «А что бы, интересно, мог мне подсказать этот самый „ТСБ“, если бы он хотел подсказать? – думал я. – Он бы, наверно, прежде всего узнал, что мы умеем делать в столярной мастерской. Так... А что мы там делаем? Доски для стенгазет. Это новым жильцам не нужно! Ого, если жильцы начнут критиковать друг друга в стенгазетах – такая каша заварится, что ни один управдом не расхлебает! Еще мы делаем скворечники. Но если новым жильцам не нужны клетки для зверей, так и скворечники для птиц им, наверно, тоже ни к чему. А еще мы собирались сделать в своей столярной мастерской... Мы собирались делать...» Тут я соскочил с подоконника и на весь класс заорал:

– Табуретки! Ура! Табуретки!..

Ну конечно! Вот что надо дарить новоселам: табуретки! Они всем нужны! Они обязательно должны стоять в каждой кухне, возле стола или возле плиты. И мы их сделаем! И мы их принесем на кухню еще до приезда жильцов! Вот сюрприз-то будет! Приезжают люди, заходят на кухню и вдруг видят: стоит новенькая, аккуратненькая, такая симпатичная табуреточка! И на другой кухне тоже, и на третьей.

Все представители мужского пола в нашем классе поддержали мой план. Со всех сторон неслось:

– Это будет дело! Не то что салфеточки и коврики! Мы девчонкам докажем!

– Мы докажем! – кричал и Витик-Нытик.

– Молчи уж лучше! – махнул я рукой. – Уж ты докажешь! Опять будешь только молоток и гвозди подавать, да?

Наш отрядный поэт Тимка Лапин тут же сочинил песенку:

Ах, детки, детки, детки, Сколотим табуретки! На кухни их поставим – И свой отряд прославим!

На перемене мы все помчались в столярную мастерскую и изложили учителю свой план. Он просто в себя не мог прийти от радости:

– Наконец-то вы оценили уроки труда! Труд – это великое дело, ребята! Труд превратил обезьяну в человека!..

А мы в ответ так галдели, что, глядя на нас, можно было твердо сказать: мы все действительно произошли от обезьян. И, кажется, совсем недавно...

10 декабря

Вот и наступила зима!

Вообще-то говоря, мороз уже давно пощипывал лицо и руки, я уже давно надел зимнее пальто и шапку-ушанку, которые потом еще целых пять дней пахли нафталином. Но снега все не было. А зима без снега – это, по-моему, не настоящая зима. И вдруг позавчера утром я увидел, что наши подоконники будто заросли белым мохом, и улицы побелели, и все деревья во дворе стали седыми. В воздухе кружились мохнатые звездочки. И хоть на улице сразу потеплело, я сказал; «Пришла наконец моя любимая зимушка-зима!» Толя Буланчиков, а за ним и все ребята в классе решили, что «нужно провести какое-нибудь очень оригинальное зимнее мероприятие». Такое, какого еще не было ни в одном отряде! И все тут же стали поглядывать на меня. Вот наказание: привыкли, что я всегда что-нибудь придумываю! Но ведь это же мне загадочный «ТСБ» подсказывал!

Я надеялся, что он и теперь что-нибудь да подскажет. Три дня подряд я прибежал в школу раньше всех, бросался к парте, но она была пуста-пустешенька. Только один раз валялся кусок засохшей булки с маслом и колбасой: кто-то из второй смены не доел свой завтрак. А записок никаких не было!

Я снова стал размышлять: «Ну что бы мне мог посоветовать в таком положении этот самый „ТСБ“? Что?!» Все ребята с надеждой смотрели на меня, и от этого я уж совсем ничего не мог сообразить. Я по десять раз в день залезал на свой заветный подоконник, у меня даже поясница заболела, и паша умная Наташа Мазурина сказала, что я от сидения на холодном камне наживу себе очень неприятную болезнь радикулит, которой вот уже двадцать пять лет болеет ее бабушка. Так вот, я жертвовал своим здоровьем ради общего дела, ради коллектива! Но никакие «оригинальные зимние мероприятия» не лезли мне в голову.

– Ты просто не хочешь подумать как следует! – ворчал Толя Буланчиков. – Если бы ты по-настоящему, так, знаешь, по-пионерски захотел, то уж давно бы что-нибудь придумал!

Ох, и чудак этот Буланчиков! Неужели он думает, что мне охота самому перед всем коллективом подрывать свой авторитет! Но если ничего не придумывается!

Виноват я, что ли? А может, я просто привык уже к помощи этого «ТСБ» и отвык думать своей собственной головой? Может быть... Но ведь в этом я тоже не виноват.

Мучения мои кончились сегодня утром. Я снова забрался на подоконник – и вдруг меня осенило: «А может, и не нужно вовсе никаких „оригинальных мероприятий“? Снег у нас есть? Есть! Лед есть? Есть! Коньки есть? Есть! И лыжи есть. И санки тоже! Вот и будем ходить на лыжах, бегать на коньках, кататься на санках! Да еще в снежки сражаться! А „оригинальных мероприятий“ совсем не надо!» – Я же говорил, если захочешь – все будет в порядке! – воскликнул Толя Буланчиков. – Вот захотел – и придумал! Кто, брат, ищет, тот всегда найдет!

И все меня поздравляли с моей оригинальной идеей о том, что не нужно нам никаких оригинальных идей. Вот как оно получилось!

12 декабря

Еще в прошлом году мы с Витькой заключили «священный договор»: делать письменные уроки по очереди. Это рационализаторское предложение внес, конечно, я. План у меня был очень простой: один день я решаю арифметические задачи и примеры, а Витька списывает у меня. Другой день Витька решает, а я списываю. При этом способе получается огромная экономия времени. А за счет сбереженных таким образом минут и даже часов можно побегать на коньках, погонять футбольный мяч, почитать книжку и просто поваляться на диване.

Мы бы, конечно, хотели точно так же поступать и с устными уроками: один день по всем предметам отвечаю только я, а другой день – Витька. Этот план, однако, был невыполним: учителя бы никогда не оценили его и не позволили провести в жизнь. Но письменные домашние задания мы целые полгода делали так, как договорились. И все шло очень хорошо, просто отлично!

Но вот вчера случилось что-то непонятное. Утром, еще до школы, папа, вынимая из почтового ящика газету, сказал:

– Тебе письмо, Сева. И какое-то странное. Первоклассник его писал, что ли?

И правда, адрес был написан крупными печатными буквами, как пишут ребята-первоклассники. Но ошибок ни в адресе, ни в имени и фамилии не было.

Значит, писал не такой уж первоклассник!

Я почти никогда еще не получал писем по почте. Вернее сказать, я не получал «личных» писем, где бы на конвертах было написано: «Севе Котлову». А так-то вообще мне писали: и дедушка (мамин папа), и бабушка (папина мама), и сами мама с папой, когда они в доме отдыха бывали. Письма бабушки и дедушки всегда были адресованы маме, и только внутри конверта один из листков начинался словами: «Дорогой Всеволод!» (так писал дедушка) или: «Родненький мой внучек» (так писала бабушка). Мама и папа писали на конверте: «Дмитрию Кот-лову». И тоже только внутри конверта было обращение ко мне. Так что можно считать, что «личных» писем я не получал.

А тут прямо на конверте печатными буквами, словно для того, чтобы по сильнее удивить меня, было выведено: «Севе Кот-лову (лично)».

Я быстро надорвал конверт. Соседка Виктория Владимировна, та самая, муж которой, «агроном по образованию», называл меня иногда Севооборотом, а иногда Севообормотом, ехидно сказала старушке пенсионерке тете Паше:

– Наш-то кавалер стал уже письма получать!

– А вы уже перестали получать – вот и завидно небось? – не поднимая головы от кастрюли, ответила тетя Паша.

И мне, честное слово, хотелось расцеловать ее!

Стало быть, я надорвал конверт и увидел, что внутри лежит небольшой белый листок, а на нем такими же печатными буквами написано:

«Дорогой Сева! Я ничего не могу объяснить тебе подробно, но только знай: я расторгаю наш „священный договор“. Теперь я буду готовить письменные задания сам. Каждый день сам! И ты делай сам. Это необходимо! Ни о чем меня не спрашивай. Я тебе сейчас ничего не могу объяснить. И вообще не разговаривай со мной целых пятнадцать дней с момента получения этого письма. Если только заговоришь, плохо нам обоим придется. Потом все объясню. И почему пишу печатными буквами, тоже объясню. Твой верный друг Витя».

Верный! И он еще смеет так называть себя, этот несчастный Нытик! Нарушил «священный договор» – и хоть бы хны! Теперь придется каждый день корпеть над задачками и примерами. А как раньше было хорошо! Как много было свободного времени!

Так думал я, разрывая на мелкие кусочки Витькино письмо и выбрасывая его в форточку. Я поклялся не прощать Витьке его коварства никогда и жестоко отомстить ему при первом же удобном случае.

В школе я не проронил с Нытиком ни единого слова. И он все время от меня отворачивался. А когда мы случайно встречались глазами, его лицо становилось жалобным-жалобным.

«Ничего, – подумал я, – еще не так жалобно взглянешь, когда испытаешь на себе мою беспощадную месть!» Но как отомстить?

13 декабря

Ура! Я придумал план кровной мести неверному Нытику!

За коварство я отплачу коварством!

Как я уже писал раньше, мы с Витькой жили в одном доме, а письменные уроки каждый из нас делал через день. Значит, нам нужен был только один задачник по арифметике. У нас и был один задачник: мой! А Витька свою Березанскую отнес как-то, в самом начале учебного года, в букинистический магазин, потому что в тот трагический, как

теперь оказалось, день у него не хватило денег на кино.

Что же оставалось делать несчастному Нытику сейчас, когда он так предательски и, как пишут в газетах и в нашем учебнике истории,

«односторонне» разорвал «священный договор»?

Ровно в 3 часа 40 минут дня по телефону позвонила младшая Витькина сестренка, первоклассница, которую мы звали Кнопка. Она пропищала в трубку:

– Витя очень просит тебя, Сева, дать ему задачник. Я услышал, как Витька довольно-таки громким шепотом подсказывает ей:

– Всего на полчаса! Только на полчаса!

– Он просит задачник всего на полчаса, – послушно повторила Кнопка.

– Ха-ха-ха!.. – рассмеялся я в самую трубку. – Скажи своему дорогому братцу Витеньке, что он еще ни разу в жизни не смог решить задачку не только за полчаса, но даже и за час. А сегодня задачи очень трудные.

Витька воспитывал Кнопку в высоком уважении к своей персоне. И поэтому младшая сестренка очень оскорбилась за своего старшего брата.

– Сам ты не можешь решить! А наш Витя все может!..

– Если будешь грубить старшим, совсем не получишь задачник, – строго предупредил я.

В трубке послышалось какое-то шуршание – это Витька на другом конце провода воспитывал свою сестренку. Он, наверно, нашептывал ей, чтобы она была повежливее, а то он, бедный, может остаться на сегодня без задачника.

Перевоспитанная Кнопка заговорила по-другому:

– Спасибо тебе, Сева, за учебник! Я зайду за ним.

– Не раньше, чем через полчаса! – воскликнул я, потому что именно в ту минуту мне и пришел в голову план кровавой мести.

Раздумывать было некогда, и потому план показался мне просто великолепным.

«Нет, напрасно думает этот „ТСБ“, что мои подшипники медленно крутятся, я еще кое-что соображаю! – Думал я, потирая руки от восторга. – Ага, Витенька, мой бывший дружок-приятель, ты нарушил наш договор, ты воротишь от меня свою унылую физиономию, ты даже по телефону не желаешь со мной разговаривать – так я же отомщу тебе за все это коварство!» Вот что я придумал! Скажу Кнопке, что задачник сегодня дать не могу: он, дескать, мне самому очень нужен, а Витьке pošлю готовое решение задач. Знаю я его натуру! Хоть он и стал таким сверх всякой меры сознательным, но если увидит у себя под носом готовое решение задач да еще взглянет в это время во двор, где ребята будут строить ледяную крепость, – не выдержит, все аккуратненько перепишет в свою тетрадку.

Перепишет, да не то, что нужно! Потому что я pošлю ему вместо настоящих решений всякую ерундистику, над которой весь наш класс завтра хохотать будет.

Нам задали на дом две задачи. Одна из них рассказывала о бассейне, который наполняется водой сразу через три трубы. Нужно было выяснить, за какое время бассейн наполнится до краев, если открыть вторую трубу через пятнадцать минут после первой, а третью – через пятнадцать минут после второй? Вот что нужно было узнать на самом деле! Но Витька-то этого не подозревает, потому что он не читал задачку, даже в глаза ее не видел. А я ему pošлю решения не про трубы и не про бассейн, а про что-нибудь совсем противоположное.

Но про что именно?

На столе лежала газета, а в ней была фотография: знатная птичница на птицеферме в окружении белых кур и петухов. Я бросился к своему столу, вырвал из самой середины тетрадки двойной листок в клеточку и написал на нем:

"Первый вопрос. Сколько яиц снесет курица в первый день?"

Второй вопрос. Сколько яиц она снесет во второй день?"

Третий вопрос. Сколько яиц снесут все птицы на ферме за месяц (не считая, конечно, петухов)?" И какие-то вычисления в цифрах произвел. Вот уж будет потеха, когда Витька

вместо бассейна с трубами начнет описывать птицеферму с курами! Все подумают, что он сумасшедший. Ребята будут на полу от хохота лежать. Узнает Витенька, как расторгать «священные договоры»!

Вторая задачка, которую нам задали, рассказывала о двух путниках (не о двух спутниках, а о двух путниках!), которые вышли навстречу друг другу из пунктов А и Б. Нужно было узнать, когда и где они, исходя из размера пути и скорости движения, встретятся.

«Какие бы вопросы придумать вместо этого?» – стал размышлять я. Перевернул все газетные листы, но никаких интересных фотоснимков больше не нашел. А надо было торопиться; вот-вот зазвонит звонок и явится Витькина Кнопка. И тогда я вдруг вспомнил про наши знаменитые табуретки. Вопросы несуществующей задачи придумались как-то сразу:

"Первый вопрос. Сколько табуреток нужно поставить одну на другую, чтобы, исходя из размеров комнаты, достичь потолка?"

Второй вопрос. Сколько табуреток нужно поставить одну на другую, чтобы, исходя из размеров дома, достать до крыши?" Я быстро произвел некоторые расчеты в цифрах, написал решения и, как полагается, окончательный ответ задачи.

Я уверен, что Витька даже и сомневаться не станет в том, что это именно те самые задачки, которые задавали на дом. Во-первых, Витька не очень-то силен в математике, а во-вторых, ему уж очень хочется сегодня не опоздать во двор к торжественному моменту закладки ледяной крепости, которую ребята еще вчера решили назвать «Шипкой».

Вскоре раздался один коротенький звонок: Витенькина Кнопка, видно, еле-еле смогла дотянуться до другой кнопки – до той, которая была над нашим почтовым ящиком.

Я схватил двойной листок в клеточку и побежал открывать. Кнопка была, как всегда, в своем коричневом форменном платье, а ее передничек был таким отглаженным, что было просто удивительно: неужели она сегодня ходила в нем в школу, сидела за партой и бегала в перемену по коридорам? Хотя ведь девчонки не бегают, они тихо и смиренно прогуливаются.

– Витя бы не стал брать у тебя задачник... Но его завтра спросят, – сказала гордая Кнопка.

Я знал, что Витьку завтра спросят: наша математичка проверяла домашние задания по алфавиту. Сегодня она остановилась на Нине Балбековой, значит, завтра – очередь Нытика.

– Я не могу дать Вите задачник...

– Жалко, да? – Кнопка презрительно сморщила свой маленький курносый носик.

Мне стало немного не по себе. Глядя куда-то в сторону, на перила, я ответил:

– Нет, мне не жалко. Но просто... Просто у меня его нет... Задачника. Ну, я одолжил его одному товарищу. А вот передай брату эти две странички. Тут все есть... Он поймет!..

Ох, и нелегко же далось мне это вранье!..

Кнопка двумя пальчиками, словно брезгуя, взяла мои листки и сразу побежала вниз. Только уже с третьего этажа она крикнула: «Спасибо!» И это «спасибо» гулко разнеслось по всем этажам. Знала бы Кнопка, за что она благодарила меня!..

Но ничего. Этот урок пойдет на пользу ее старшему братцу! Узнает, как нарушать клятвы и договоры!.. Вот потеха-то будет завтра в классе, даже представить себе невозможно!

14 декабря

Сегодня, ровно в 7 часов 15 минут утра, вместе со звонком будильника во мне вдруг заговорила совесть. Натягивая башмаки, я представлял себе несчастного Нытика и то позорище, которое ждет его сегодня на первом уроке.

Только выйдя на кухню мыться, я заметил, что башмаки мои смотрят в разные стороны, словно отворачиваются друг от друга, как мы с Витиком-Нытиком в последние дни. Все понятно: я от расстройств натянул левый башмак на правую ногу, а правый – на левую.

Пришлось сесть на табуретку и переобуться.

– Э-эх, – вздохнула старая тетя Паша, – рассеянные нынче молодые люди пошли: науками много занимаются! Для простых-то дел места в голове не остается.

Я махнул рукой:

– Да нет, тетя Паша, пауки здесь ни при чем. Здесь совсем другое дело...

И пошел к умывальнику – намыливать лицо и руки. А мне-то, по всем правилам, надо было бы намылить шею! И еще как!..

Вчерашняя ненависть к Витьке совсем почти прошла. Я даже забыл об одностороннем нарушении Нытиком нашего «священного договора». Я думал только об одном: «Что будет сегодня на уроке арифметики? Что будет?..» Я волновался так же или даже еще больше, чем в тот день, когда произошла знаменитая история с Диминим паспортом. Эх, и ничего-то я не понял тогда!..

Все мне говорили: «Сделай выводы из всего, что случилось. Сделай выводы из своего поведения!» А я не сделал никаких выводов – и вот снова натворил дел!

Чем меньше времени оставалось до урока, тем сильнее меня охватывал ужас.

"Все подумают, что Витька просто издевается над классом, – размышлял я по пути в школу. – Или что он сумасшедший. Но его ведь могут повести к доктору. Доктор скажет, что он совершенно здоров – и тогда все решат, что он именно издевается. Ему влепят двойку за поведение и будут обсуждать на совете отряда, а может быть, даже на совете дружины. И все из-за меня, из-за моей дурацкой злости! Тоже еще мститель нашелся! Узнай об этом Наташа Мазурина, она бы правильно сказала: «Кровная месть – пережиток проклятого прошлого! И ты, Котлов, находишься во власти этого пережитка!» Так сказала бы Наташа. И она была бы совершенно права. Я в самом деле, наверно, находился во власти пережитков и еще во власти страха: «Что будет, что будет?!» И я решил предупредить Нытика до урока, во всем ему признаться. И хоть он сам первый вздумал не разговаривать со мной и отворачиваться от меня, я решил протянуть ему руку и даже просить извинения, лишь бы загладить свой подлый поступок. Совсем загладить, чтобы и следа от него не осталось!

А Витька, ничего не подозревая, как назло, явился уже после звонка, перед самым уроком. Он вошел в класс за какую-нибудь секунду до учительницы. Я только-только раскрыл рот для раскаяния, как все ребята, громыхнув партами, поднялись: на пороге стояла наша математичка. Она была очень доброй женщиной, но сегодня мне показалось, что у нее сердитые глаза. Бедный Нытик! Бедный!..

Математичка Софья Романовна раскрыла журнал и произнесла свои обычные слова:

– А вот мы сейчас посмотрим, как вы дома поработали! Витька знал, что его спросят, – он весь подтянулся, раскрыл тетрадку. И тут я стал молча закрывать его тетрадь и совать ему под нос свою собственную, где были правильные вопросы и правильные ответы.

– Ты чего-о? – шепотом удивился Витька. – Ведь мы же с тобой...

И он отодвинул мою тетрадку. Отбросил в сторону спасательный круг, который я ему протягивал! Сам, своими руками отбросил!

Так и есть.

– Начнем-ка сегодня с Бородкина, – сказала Софья Романовна.

Витька поднялся. Лицо у него было довольное: он, видно, хотел блеснуть верностью решений двух трудных задач.

«Вот сейчас он блеснет! – с ужасом думал я. – Да так блеснет, что всех кругом ослепит!» И тут же я принял решение:

«Нет, этого не должно случиться! Любой ценой искуплю свою вину и спасу Нытика!» Я вновь раскрыл свою тетрадь и стал совать ее Витьке в руки.

– Вот здесь!.. Здесь правильно... Читай по моей.

Витька растерянно моргал глазами. И мне стало еще больше жалко его.

– Отста-ань, я са-ам... – шепотом заныл он.

– Что у вас там происходит? – строго спросила Софья Романовна. – Я ведь вызвала Бородкина. Так что ты, Котлов, сиди спокойно!

Легко сказать: сиди спокойно! Я не мог, просто не мог допустить, чтобы Витька прочитал то, что было написано в его тетрадке! Любой ценой я должен был помешать или, верней сказать, помочь ему!

– Скажи, что забыл тетрадку дома, – опять зашептал я.

Но Витька ничего не понял.

– Я не забы-ыл. Она во-от... Во-от она!

– Возьми лучше мою! Читай по моей. Слышишь, дурак несчастный!

– Сам дура-ак, – зло прошептал в ответ Витька. И раскрыл рот, чтобы читать про куриц, которые высиживают яйца, и про целые пирамиды табуреток, которые достигают потолка и даже самой крыши.

Тут уж я не выдержал и, забыв, что нахожусь на уроке, просто вырвал у Витьки из рук его тетрадку. Весь класс ахнул и сразу замер... В гробовой тишине раздался голос нашей доброй Софьи Романовны. Голос был очень сердитым, и оттого, что Софья Романовна была очень доброй и никогда раньше не повышала голоса, ее слова показались мне какими-то особенно грозными:

– Котлов, сейчас же покинь класс! Ты мешаешь нам заниматься. Погуляй в коридоре и приходи в себя!

И я покинул класс... Но не стал гулять по коридору. Нет, я прислонился ухом к замочной скважине и стал слушать. Вот... вот сейчас Витька прочтет:

«Сколько яиц снесет курица в первый день?» – и весь класс прямо взорвется от хохота.

Витик-Нытик стал что-то читать по тетрадке; тут я заткнул уши и постоял так минуты две. А когда я вынул пальцы из ушей и снова приставил правое ухо к двери, то услышал добрейший голос Софьи Романовны:

– Пока все хорошо, Бородкин. Молодец! А как у тебя со второй задачей?

Оказалось, что и со второй задачей у Бородкина все обстояло вполне благополучно.

Я привык в последнее время к разным чудесам, но тут уж я ничего не мог понять. Как же так? Неужели Витька разгадал мои коварные планы и все решил сам? Но ведь у него даже нет задачника! А может, он сходил за ним в библиотеку или к кому-нибудь из ребят? Да нет, он строил вчера во дворе вместе со всеми нами ледяную «Шипку».

Мимо прошла нянечка и, покачав головой, сказала:

– Выгнали? Выперли из класса-то? И не стыдно? Эх, увидели бы тебя сейчас твои родители!

Потом она принесла щетку, стала подметать пол и все никак не могла успокоиться:

– Какие для них условия предоставляют! А они, ироды!.. Я все продолжал теряться в догадках. И, наверно, совсем бы потерялся, но тут затрезвонил звонок, и школа, которая только что была тихой и будто совсем пустой, вдруг ожила, и зашумела, и запрыгала, и даже запела.

Ребята окружили меня и стали на разные голоса упрекать:

– Это уж слишком, Котелок!

– Подсказывал бы тихонько, а то лезет, как агрессор, вырывает тетрадку!..

– Витька и без тебя все знал. И вообще надо кончать с подсказками!

– Нет, иногда можно... Но когда товарищ погибает. А тут не было никакой необходимости!

Наташа Мазурина презрительно взглянула на меня. И я прочел в ее глазах знаменитое: «И тебе не совестно?!» Вышел из класса и Витька. Я сразу подбежал к нему и, забыв даже про оскорбительную записку Нытика, сказал.

– Прости меня, Витя...

Витька, видно, очень обрадовался, что я заговорил с ним.

– За что же прощать? Ты просто сперва перепутал...

– Нет, я не перепутал. Я нарочно послал тебе не те решения.

– Наро-очно? – протянул Витька своим обычным обиженным голосом. Но потом, будто вспомнив что-то важное, спохватился: – Это сперва ты сделал нарочно!

А потом ведь ты все исправил.

– Я исправил?

– Ну да.

– Ничего не понимаю!

– Ты же опустил в почтовый ящик записку. Вот эту.

– Я опустил?!

– Ну да-а...

С этими словами Витька полез в брюки и достал оттуда смятую бумажку. На ней большими печатными буквами было па-писано: «Вот условия задач, которые нам задали сегодня на дом. Реши сам!» Дальше шли уже известные мне рассуждения о бассейне, который наполняется тремя трубами, и о путниках, которые вышли навстречу друг другу из пунктов А и Б.

А в самом конце записки стояла подпись: «Сева».

Сева! То есть получается, что это писал я. А я на самом деле этого никогда не писал! В чем же тут дело?

– Я сперва и сам удивился немного, – сказал Нытик. – «Почему, думаю, Котелок стал писать печатными буквами?» Но потом вспомнил, что ты уже писал мне однажды такими же точно буквами.

– Я?! Когда? Это ты мне писал печатными буквами, а не я тебе.

– Нет, ты мне! Ты-ты! Ты-ы-ы! – как-то очень решительно и обиженно заныл вдруг Витька. – Я ведь ту записку тоже храню!

Он помчался в класс и прибежал оттуда через минуту, победно размахивая белым листком.

Мы оба склонились над этим листком и прочитали вслух:

– «Дорогой Витя! Я ничего не могу объяснить тебе подробно, но только знай: я расторгаю наш „священный договор“! Теперь я буду готовить письменные уроки сам. Каждый день сам! И ты делай сам. Это необходимо! Ни о чем меня не спрашивай. Я тебе сейчас ничего не могу объяснить. И вообще не разговаривай со мной целых пятнадцать дней с момента получения этого письма. Если только заговоришь, нам обоим плохо придется. Потом все объясню. И почему пишу печатными буквами, тоже объясню! Твой верный друг Сева».

– Но ведь я получил точно такую же записку! – воскликнул я.

– От кого?

– От тебя! Не притворяйся! Ты же писал?

– Не ври-и. Я ничего не писал...

– И я ничего не писал.

– Значит, кто-то... – таинственно прошептал Витька. – ...прислал нам с тобой одну и ту же записку, но только подписал ее разными именами! – закончил я.

– Покажи свою, – все еще не веря мне, потребовал Витька.

– Я разорвал ее.

– Ах, разорва-ал?..

– Ты мне не веришь?! Клянусь... клянусь... – Я никак не мог придумать, чем бы таким поклясться. – Клянусь... Чтоб мне ни разу в жизни в кино не попасть! До самой смерти!

Витька даже вздрогнул от такой страшной клятвы.

– Я верю тебе...

– Так ты, значит, поэтому от меня и отворачивался?

– И ты тоже из-за этой записки?..

– Ну да!

Ох, и здорово нас кто-то одурачил! Заставил нарушить «священный договор», а чтобы мы не могли договориться друг с другом и выяснить что к чему, заставил нас отворачиваться друг от друга. И печатными буквами записки написал, потому что сообразил, что я знаю Витькин почерк, как свой собственный, и он мой так же. Хитро придумано! Это уж

действительно какой-то «великий комбинатор» изобретал! Но кто он? Кто он такой? А самое главное, откуда он мог узнать еще вчера обо всей этой истории с задачками?

Ведь о ней не знал никто, кроме меня. Никто на всем белом свете! С ума сойти можно! Мы с Витькой только затылки чесали.

Мимо прошел Толя Буланчиков.

– А-а! Друзья встречаются вновь? – сказал он. – Это очень хорошо: дружба, знаете ли, дороже всего на свете!

Но мы даже не обратили на Буланчикова никакого внимания.

Наконец я пришел в себя и сказал:

– Теперь восстановим наш договор! Ладно?

– Не знаю... – протянул Витька. – Мне даже немного, как бы это сказать... понравилось, что ли...

– Что тебе там понравилось?

– Ну, самому, как бы это сказать... задачки решать. И отвечать потом как-то приятнее. Я вот сегодня... И Софья Романовна похвалила: «Молодец», – говорит.

– Ну ладно! Мы об этом еще подумаем, – перебил я Витьку, Потому что об этом и в самом деле стоило немного подумать.

17 декабря

Сегодня председатель совета отряда Толя Буланчиков поручил мне зайти домой к Володе Каталкину и помочь ему по арифметике, Володя уже целых две недели не ходит в школу. У него какая-то очень странная болезнь: воспаление среднего уха. Я до сих пор думал, что у всех людей только по два уха – и оба крайние: одно – левое, а другое – правое. Но, оказывается, у нас есть еще третье ухо – среднее. Только мы его не видим. Вот оно-то как раз у Володьки и болит...

Сегодня после уроков я отправился к Каталкину. Он живет в старинном одноэтажном домике. А домик стоит в небольшом садике за забором. Я, когда вижу такие дома, так всегда думаю: здесь вот, наверно, жил до революции какой-нибудь важный барин, князь или даже граф. И по утрам к подъезду подкатывала тройка, а на козлах сидел бородастый кучер и лихо натягивал вожжи. А лакей вскакивал на запятки. И один вот такой граф занимал целый дом, сам ничегошеньки не делал и только своих дворовых гонял с утра до вечера. А сейчас в доме живут, может быть, внуки этих дворовых и крепостных. А граф удрал за границу и работает где-нибудь в Париже официантом в ресторане. Мне почему-то кажется, что почти все дворяне, которые за границу удрали, стали там официантами...

На доме Володьки Каталкина – какие-то старинные кренделя, которые, как я узнал, называются вензелями. И две буквы внутри этих вензелей: "Б" и "К".

Это, наверно, инициалы князя или графа, который проживал когда-то в этом доме.

От забора на дорожку падают ровные полоски: темные и светлые. Шагая по этим полоскам, я добрался до калитки. Но только стал открывать ее, как вдруг отскочил от забора и даже одной ногой в сугроб провалился. Во дворе я увидел огромную серо-белую немецкую овчарку. Я ей, наверно, чем-то не понравился, потому что она стала громко лаять и с самым зверским видом рваться мне навстречу.

Собака была, конечно, привязана к столбу, но не цепью, а какой-то очень ненадежной веревкой. Веревка натягивалась прямо как струна, и казалось, вот-вот оборвется. А надо сознаться, что я с раннего детства боюсь или, лучше сказать, остерегаюсь собак. И недаром! Когда я был еще в детском саду, меня тяпнула за ногу такая же вот огромная серая немецкая овчарка, и я потом целый месяц ходил на уколы. Помню, живого места на моем животе не осталось.

«Уж лучше поищу другую калитку», – подумал я. Обошел кругом вдоль забора.

Но никакой другой калитки не было. Тогда я стал звать Володю. Я кричал, а собака в это же самое время лаяла, да еще ветер подвывал ей всюду – так что Володя меня не

услышал.

Я еще походил, походил вдоль забора, захотел есть, замерз и поплелся домой.

Володька ведь завтра еще не собирается в школу, так что я успею оказать ему свою товарищескую пионерскую помощь. А собаку они, может быть, завтра в комнату заберут или привяжут понадежнее цепью какой-нибудь. Вот позвоню Володьке по телефону и попрошу, чтобы привязали. Хватит с моего живота укусов!

18 декабря

Степан Петрович плохо видит. Но зато он очень хорошо слышит. Когда хлопает парадная дверь и человек только еще входит в коридор, Степан Петрович сразу узнает, кто именно пришел. И никогда не ошибается.

Сегодня, когда я вошел к нему в комнату, Степан Петрович спросил:

– Что ты там замешкался, Сева? Я уж минут пять назад услышал твои шаги по коридору. И почему, думаю, он в комнату не идет?

– Меня соседка ваша попросила помочь. Бак на плиту мы ставили. Она белье кипятит...

– Ах, белье? – Степан Петрович поднял очки на лоб и лукаво прищурился. – А я думаю, там, возле двери, собака на веревке бегают.

Я вздрогнул. Собака? Это Степан Петрович сказал не случайно! Откуда он знает о вчерашней собаке? Откуда?! Ведь рядом со мной никого не было. И никто ничего не видел. Откуда же он знает? И даже о том, что собака бегала не на цепи, а веревкой была привязана – и об этом знает! Прямо волшебство какое-то! Ни одного дня не проходит без чудес! Ну и жизнь у меня пошла: только и ломай себе голову над всякими загадками! И ничего все равно не разгадаешь!..

В эту минуту хлопнула дверь в коридоре.

– Наш «главпродукт» пришел, – сразу сказал Степан Петрович. Это он так Витьку прозвал.

Нытик влетел в комнату, нагруженный пакетами и кулками. На шапке и воротнике у него еще не растаяли снежинки, а лицо было раскрасневшееся и гордое.

Нытик очень любил рассказывать о своих хозяйственных успехах.

– Я купил вам мандарины, Степан Петрович! Их прямо о юга привезли. На самолете!.. Только вчера они, может быть, на солнышке грелись, а сегодня мороза попробовали. Здорово, а?

Я воспользовался этим разговором и тихонько, прямо без шапки и без пальто, вышел на балкон. Он был весь покрыт снежным пушистым ковриком. И на перилах тоже лежал снег.

«А может быть, отсюда виден дом Володьки Каталкина? – думал я. – И Степан Петрович все сверху разглядел?» Но тут же спохватился: да ведь Степан Петрович почти ничего не видит! А может, кто-нибудь другой разглядел отсюда и ему все рассказал? Но нет, балкон выходил совсем в другой переулок. И здесь тоже было несколько невысоких старинных домиков с кренделями-вензелями над окнами, но того самого, возле которого бегала на веревке собака, не было.

Я вернулся в комнату. И после того белого снежного коврика долго вытирал ноги о самый обыкновенный, пестрый матерчатый коврик, который лежал на полу.

На столе валялись оранжевые корки, и Витька весело уплетал мандарин.

– Ты, Сева, выходил на балкон? – спросил Степан Петрович.

– Да... Знаете, захотелось подышать свежим воздухом... День сегодня, знаете, чудесный! Солнечный!

– Мороз и солнце? – Степан Петрович глубоко вдохнул морозный воздух, который прямо хлынул с балкона в открытую дверь.

– Ну, я побежал! – дожевывая мандарин, сообщил Витька. – Мне еще надо курицу купить.

Он очень увлекался покупками, хотя ему потом и приходилось отчитываться перед

строгой соседкой Степана Петровича, которая упорно называла Витьку не «главпродуктом», а «главфруктом». Соседка упрекала Нытика в том, что он плохо экономит, «выбрасывает деньги на ветер» и «скоро пустит бедного Степана Петровича по миру».

– Я на рынке всегда торгуюсь и никогда не уступаю! – гордо отвечал Витька.

– А скупиться мы не можем. Мы должны покупать все самое лучшее: шефствовать так шефствовать!

Вот и сейчас он собирался мчаться за какими-то курами, которые, как он точно узнал, должны привезти в диетический магазин.

– А сколько яиц снесет курица в первый день? – тихонько, со смехом спросил я у Витьки. Он в ответ обиженно надул губы:

– Не забу-уду этого... Никогда-а...

Он уже направился к двери, но Степан Петрович остановил его;

– Хватит на сегодня покупок. Разденься, Витя. И если у тебя еще есть время, почитай мне, пожалуйста, сегодняшние газеты.

Когда я выходил на балкон без пальто и без шапки, мне совсем не было холодно, а тут вдруг по телу пошли мурашки.

«Как же так? Витька будет читать газеты? А я? Это же мой шефский участок!» – Сева сегодня, к сожалению, занят, – пояснил Степан Петрович. – Ему надо пойти к Володе Маталкину и помочь там. По арифметике, кажется.

– Не к Маталкину, а к Каталкину, – тихо поправил я. А сам подумал: «Это я сам вчера был Маталкиным, когда от собаки сматывался».

– Кстати... – Степан Петрович снова поднял очки на лоб и хитро прищурился.

– Кстати, собака у этих Каталкиных-Маталкиных, по моим точным сведениям, только глотку дерет понапрасну, а сама даже мясо боится укусить, когда ей в миске обед приносят.

– Степан Петрович, а откуда вы знаете про все про это: и о собаке и о Каталкине тоже? – спросил я тихо.

Степан Петрович подмигнул мне и своим глуховатым баском пропел на мотив известной арии из оперы «Пиковая дама»:

– Три буквы, три буквы, три буквы!.. "Какие три буквы? – сперва не понял я.

Но уже в коридоре понял. – «ТСБ»! Вот какие это буквы!.."

21 декабря

Кто же такой «ТСБ»? Я думаю об этом целые дни, с утра до ночи. И даже ночью иногда думаю.

А однажды мне приснился страшный великан в черной маске и длинных черных перчатках до локтей. Он подкладывал мне в парту самого настоящего живого крокодила. Я хотел убежать, но, как это всегда бывает во сне, не мог двинуться с места. А в ушах у меня почему-то звучал преспокойный голос нашей Анны Рудольфовны: «А как будет по-немецки „крокодил“? Не знаете, Котлов? Я так и знала, что вы не знаете. Запомните, если вам не трудно, что „крокодил“ по-немецки будет: „ТСБ“, „ТСБ“...» От всей этой чертовщины я проснулся – и увидел над собой испуганное и, как всегда, очень странное, без очков, лицо Димы.

– Ты не заболел? Что с тобой, Котелок?..

Странный все же человек наш Дима: то грозит выкинуть мою раскладушку в коридор, где от дверей холодным ветром дует, а то о здоровье моем беспокоится! И всегда он так: то хороший, добрый, а то злится и ко всему придирается!

Ах, если бы он знал, что происходит с его младшим братом, если бы он только знал!..

И как странно ведет себя этот «ТСБ»: иногда он помогает мне, подсказывает разные хорошие мысли, а иногда вмешивается в дела, которые его вовсе не касаются, и срывает мои самые лучшие планы. Ведь это он, я теперь уверен, что это он, переложил нашего колючего Борьку-Нигилиста из мухинской парты обратно в мою собственную. И это он послал мне и

Витьке те самые записки и добился-таки, что мы целых три дня не разговаривали друг с другом. И, может быть, это он доложил Степану Петровичу об истории с собакой, которая «только глотку дерет понапрасну, а сама даже мясо боится укусить, когда ей в миске обед приносят». Все это он!..

А кто «он»? Не знаю. И думаю об этом все время – до того, что даже не слышу на уроках, о чем рассказывают учителя. Позавчера, например, учитель истории сказал вдруг:

– Котлов, закончи мою мысль!

Но я не мог закончить его мысль, потому что не слышал, с чего она началась.

И в тот же день после уроков мы с Витькой собрали в ванной комнате экстренный совет. Мы твердо решили выяснить, кто такой «ТСБ» и почему он вмешивается в нашу жизнь.

– Пусть лучше и не помогает нам и не портит наших планов – пусть вообще не лезет в чужие дела! – решительно заявил я.

Витька высказал мысль, что здесь, быть может, орудует не одно лицо, а какое-нибудь тайное общество или союз. В общем, какая-нибудь организация, а «ТСБ» – ее сокращенное название.

– Давай попробуем расшифровать это название, – предложил я.

Мы сели в разных углах комнаты, наморщили лбы – и только время от времени вскакивали как сумасшедшие и выкрикивали:

– «Гайный Совет Бандитов»!

– «Темное Сообщество Бездельников»!

Но потом мы вспомнили, что многие советы «ТСБ» были как раз очень деловыми и даже полезными – при чем же здесь бездельники и бандиты?

И мы стали искать совсем в другом направлении. Расшифровывая загадочные три буквы, мы поочередно выкрикивали:

– «Твердость! Смекалка! Бесстрашие»!

– «Гайный Сигнал Барабанщика»!

– Это вот похо-оже!.. – обрадовался Витька.

– На что похоже?

– На то, что нужно!

– Ни на что ото не похоже. Просто бессмыслица: какой-то сигнал, какой-то барабанщик...

– И зачем ему вдруг барабанить? Давай дальше!

– «Трое Смелых Борцов»!

– «Грест Самых Благородных»!

Так могло бы продолжаться до бесконечности: до самых «Последних известий» или даже до сводки погоды. Но когда вспотевший от напряжения Витька, глядя куда-то вдаль бессмысленными глазами, выпалил; «Товарищество Свободных Библиотекарей», я сказал:

– Довольно! Хватит! Мы с тобой уж, как это говорится, до точки дошли. Такую ерунду стали пороть, что слушать противно. «ТСБ» – это, вернее всего, никакая не организация, а первые буквы имени, отчества и фамилии. Понял?

– Чьи буквы?

– Если бы я знал чьи, так и отгадывать было бы не нужно.

Давай соображать. Давай анализировать все, даже самые мелкие факты, как это делал Шерлок Холмс?

– Дава-ай...

– Человек, который подсовывал эти записки, знает обо всех наших отрядных делах и обо всех наших планах. Так?

– Та-ак...

– Он даже знает, какие именно нам задачки на дом задали. Он так и написал даже: «не вам», а «нам задали». Значит, он учится в нашем классе! Это ясно?

– Я-ясно...

– Кто у нас в классе есть на букву "Б"? Бородкин, то есть ты...

– Я-я...

– Ты сразу отпадаешь: тебе никогда в жизни не придумать таких дел, какие нам этот «ТСБ» подсказывает.

– Ну да-а, не приду-умать!.. – заныл Витька.

Но я, но обращая на него никакого внимания, продолжал:

– Дальше идет Балбекова... Она тоже отпадает: во-первых, девчонка, а во-вторых, ее Нинкой зовут. А у нас первая буква – "Т". Остается Буланчиков.

– Но ведь его Анатолием зовут.

Витьке почему-то очень хотелось, чтобы и Буланчиков тоже отпал. Но я этого не допустил:

– Анатолий!.. А уменьшительно-то как будет? Толька! Мы его так и зовем. Это когда вырастет, его будут Анатолием величать. Значит, остановимся на Буланчикове... Чует мое сердце, что это он нас и разыгрывает! Сам подкладывает мне записочки – и сам же потом насмеяется: «Гений! Золотая голова! Гордость отряда!..» – Издевается, значит? – посочувствовал мне Витька.

– Вот именно! И он один про Володьку Каталкина знал. Это же он поручил мне навестить его. Поручил, а сам, наверно, коварно и тайно сзади шел, все подсмотрел и потом Степану Петровичу рассказал.

– А что рассказал? – всполошился Витька: я ведь его не посвящал в историю с собакой.

– Да так... ничего особенного... Про собаку...

– Про какую собаку?

– Да там про одну. Я, в общем, испугнул ее... Она сорвалась с цепи и убежала.

– А потом вернулась?

– Потом вернулась.

– Ясно! Собака ведь всегда находит хозяина. А Толька, значит, все это видел и растрепал?

– Ну да...

– Завтра мы его разоблачим! – решительно заявил Нытик.

– Погоди. Надо еще узнать его отчество. Может, не подходит?

На следующий день утром, еще до уроков, я подскочил к Тольке Буланчикову и прямо в упор взглянул на него. Толька как-то вздрогнул и слегка попятился в сторону. «Ага! Смущается! Совесть заговорила!..» – подумал я и, не отводя глаз, спросил:

– Как зовут твоего отца?

– Моего папу? А что?

– Как зовут твоего отца, я спрашиваю?!

– Сигизмундом Ивановичем...

– Все! Есть! Попался! Значит, ты – Толя Сигизмундович Буланчиков?! Попался!

– Кто? Мой папа?

– Не выкручивайся! Оставь своего папу Сигизмунда! Все ясно: он составляет вторую букву! Значит, ты и есть: «ТСБ»?

Ха-ха-ха! Все ясно!..

Толя слегка побледнел, глаза у него сделались круглыми, и он зашептал:

– Успокойся, Севочка... Ну хорошо, хорошо... Допустим, что я попался! Что я этот самый «БСТ»...

– Не «БСТ», а «ТСБ»!

– Ну пусть «ТСБ»... Допустим... Только не волнуйся, пожалуйста...

– Что ты меня успокаиваешь? Попался?!

– Ну, допустим... Только не волнуйся!

– Ага, сознался! Сам сознался! Значит, это ты подкладывал ко мне в парту ежа. А потом еще насмеялся? И записки всякие!..

– Ну, допустим. Допустим, что я действительно... так сказать, подкладывал... И ежа, и

носорога, и кого хочешь! Только успокойся, успокойся, Севочка. Успокойся, Котелок!

– Не успокоюсь!

– Тогда пойдем с тобой вниз. На минутку... Там, знаешь, на первом этаже есть такой маленький и очень уютный кабинетик. И там такая милая-милая женщина, в таком белом-белом халате. Наш доктор... И она...

– Сам иди к доктору! И еще куда-нибудь подальше! – крикнул я и побежал в класс, потому что уже зазвенел первый звонок.

Толя вошел в класс вместе с учителем истории. Историк, очень строгий и никогда не улыбающийся, вдруг как-то жалостливо посмотрел на меня и сказал:

– Котлов, может быть, ты хочешь пойти домой? Может быть, ты переутомился?

Переутомился! Это слово и на перемене все шепотом повторяли за моей спиной.

А наша умная и сознательная Наташа Мазурина упрекала Тольку Буланчикова:

– Мы сами виноваты. И, в первую очередь, ты как председатель совета отряда.

Ты не проявил чуткости... Навалились на него всем классом: «Давай нам гениальные идеи! Котелок придумает! Сева подскажет!..» Вот он и не выдержал...

Все в этот день смотрели на меня очень сочувственно, перешептывались за моей спиной. Все предлагали проводить меня на первый этаж, к милой женщине в белом халате. Я один (Витька, как нарочно, заболел вирусным гриппом) пытался объяснить всему классу, что я вовсе не переутомился, что мне не от чего было переутомляться, пытался рассказать ребятам про историю с «ТСБ», и с ежиком Нигилистом, и с полевым биноклем, который неизвестно кто прислал мне и неизвестно кто унес из моей парты... Но ребята не дослушивали до конца, с жалостью смотрели на меня и тут же, как-то очень быстро со всем соглашаясь, кивали головами.

– Да, да... Мы понимаем, мы верим... Ты прав, Севочка. Только не волнуйся, пожалуйста. Только успокойся. Хочешь, мы проводим тебя домой, к маме?

– Сами идите домой! Я совершенно здоров!..

Когда я в десятый или в двадцатый раз выкрикнул это, то услышал, как Наташа Мазурина тихо и грустно сказала за моей спиной:

– Первый признак! Все безумные считают, что они абсолютно здоровы. Надо принимать меры, ребята! И действовать быстро, по-пионерски!..

Я не дал им действовать «по-пионерски» – я вырвался и удрал домой. «Завтра вот покажу им все записки, в правом угол-ке которых стоят прямые печатные буквы „ТСБ“, тогда узнают, кто из нас сумасшедший, а кто нормальный!»

22 декабря

Наша соседка, Виктория Владимировна, очень любит читать книжки про сыщиков и про всякие страшные приключения. Книжки эти – почти всегда старые, какие-то пожелтевшие и состоят из отдельных листочков. Виктория Владимировна читает их всюду: и у себя в комнате, и на кухне, над газовой плитой, когда обед варит, и даже в ванной комнате, когда моется. Муж ее, агроном Клячин, часто кричит ей из коридора:

– Вика, не смей читать в ванне: ты получишь разрыв сердца!

– Да, я когда-нибудь получу разрыв сердца, – говорит паша соседка, – но не от горячей воды, а от этих острых, захватывающих сюжетов! Мне ведь, поверьте, кажется, что я сама общаюсь с разными Шерлоками Холмсами, беседую с ними и даже пью их горячий грог! Умели же раньше писать!..

Я не очень-то верил, что Виктория Владимировна хочет общаться с сыщиками, потому что она ужасная трусиха. Все эти старые романы до того запугали ее, что она вздрагивает от каждого шороха на кухне и сразу хватается за сердце.

А по ночам запирает свою дверь сразу на три крючка.

Недавно Виктория Владимировна распустила по всей квартире слух, что на чердаке, который находится прямо над ее комнатой, «происходит что-то непонятное».

– Там кто-то орудует! – заявила Виктория Владимировна. – Каждую ночь я слышу вздохи и крики о помощи.

– Почему же вы не бежите на помощь-то? – удивилась старушка тетя Паша.

– Меня не пускает муж. Он удерживает меня. А то бы я...

– Сам тогда пусть оденется да и сходит наверх. Или хоть в милицию позвонит, – не унималась тетя Паша.

В общем, Виктория Владимировна в конце концов добилась того, что все наши соседки перестали развешивать белье на чердаке. А одна соседка, у которой там стоит бочонок с кислой капустой, даже сказала:

– Пусть сгниет моя капуста! Не пойду я туда, раз там кто-то орудует!

Я посмеивался над нашими соседками... Но посмеивался только до сегодняшнего дня. А сегодня, ровно в 3 часа 20 минут, мне стало не до смеха.

Я получил по почте заказное письмо. Адрес и само письмо были опять напечатаны на пишущей машинке. И на той же самой! Уж теперь я отличу этот шрифт из тысячи. Буква "Л" бледно получается. В записке было вот что: «Как только стемнеет, поднимись на чердак. Приходи туда один. Доберись до самого дальнего левого угла, и там, под бочонком с капустой, лежит для тебя очень важное письмо. В нем – раскрытие всех тайн! ТСБ».

Не знаю уж, как это получилось, но только я сразу отправился на кухню и стал расспрашивать Викторию Владимировну о нашем чердаке и о том, какие оттуда по ночам доносятся звуки. Соседка страшно обрадовалась и начала рассказывать мне про таинственный чердак: и про всякие шорохи и о криках тоже. Оказывается, сегодня ночью она видела, как с чердака спустились сразу несколько веревок. Эти веревки даже задели ее подоконник и чуть было не свалили вниз банку с маслом, которая стояла за окном.

«Ободренный» этим рассказом, я вернулся в комнату. Мне показалось, что из окон сильно дует и что вообще в комнате как-то прохладно. Я плотно закрыл форточку и проверил отопление – трубы были не горячие, а прямо-таки раскаленные. Тогда я с возмущением подумал: «Неужели мне страшно? Нет, я не трус! Я не похож на Викторию Владимировну! Но кто же все-таки мог спустить с чердака веревки? И зачем?» Я вспомнил, что жестокие восточные цари иногда сбрасывали по ночам свои жертвы из окон башен прямо вниз, в бушующие потоки. А может быть, эти самые... Ну, которые орудут на чердаке, спускают свои жертвы вниз на веревках? При помощи какой-нибудь лебедки? Техника ведь с тех пор, когда жили жестокие восточные цари, очень сильно шагнула вперед.

Я уже десять раз перечитал записку, подписанную все теми же тремя непонятными буквами. Я выучил ее всю наизусть! «А может, захватить с собой Витика-Нытика? – думал я. – У них ведь там, на нижних этажах, не слышно, как на чердаке „кто-то орудует“, он ничего про это не знает – и не будет бояться». Но захватывать с собой Нытика было никак нельзя – ведь в записке было ясно напечатано: «Приходи туда один». Да я к тому же вспомнил, что Нытика угораздило заболеть вирусным гриппом.

"А вообще, может, не ходить на чердак? – подумал я. Но тут же спохватился:

– Нет, нельзя! Ведь если этот «ТСБ» добрался уже и до Степана Петровича, он обязательно сообщит ему, что я струсил, и тогда Степан Петрович снова будет презирать меня. И еще сильнее, чем из-за этой горластой немецкой овчарки!" Зимой рано темнеет. Уже в пять часов в окна домов зажглись огни. А я нарочно не зажигал свет, чтобы убедить себя, что вечер еще не начался. Я все тянул, тянул... Но без конца тянуть было невозможно: скоро должна была прийти с работы мама. А я еще не сделал никаких уроков: все о чердаке думал. Ну, а если мама узнает, что я не прикасался к урокам, она меня не то что на чердак – и в коридор-то не выпустит. В общем, надо было решиться...

И я решил!

Я вышел через кухню на черный ход. Дверь я на всякий случай оставил приоткрытой: если что-нибудь случится, буду кричать – и пусть бегут на помощь!

На чердак вела узкая винтовая лестница. Я стал медленно подниматься по ней.

Все время я натыкался на какие-то старые ведра, которые со страшным грохотом

скатывались вниз, и на какие-то разбитые горшки, и на доски. Один раз я чуть было не вскрикнул: прямо под ногой у меня было что-то мягкое и, как мне показалось, теплое, живое... Я потрогал это «мягкое» рукой, и оказалось, что это я наступил на рукав от старой телогрейки. Как здесь оказался этот рукав? Может быть, это все, что осталось от смельчака, который дерзнул подняться на чердак до меня? Еще через минуту я с ужасом наткнулся на чей-то сапог. Все ясно: и это остатки того же смелого безумца!..

В этот самый момент снизу раздался визгливый голос Виктории Владимировны:

– Безобразия! Дверь за собой не закрывают! Заморозить хотят!

Дверь с шумом захлопнулась, и на черном ходу сразу стало темным-темно.

Ужасный страх охватил меня. Сердце колотилось очень сильно. Но никакого выхода не было: надо было идти вперед или, вернее сказать, наверх. И я быстро пошел: будь что будет!

Под низкими сводами чердака пахло сыростью, в разбитое окно залетали снежинки, дул ветер. И вдруг я вскрикнул: какой-то саван болел справа от меня. Я закрыл глаза руками и сделал несколько шагов в сторону этого савана, а когда открыл глаза, то чуть было не расхохотался: на веревке, рукавами вниз, болталась чья-то белая ночная рубашка. Видно, не во всех квартирах знали о страшных событиях, которые происходили у нас на чердаке, и некоторые хозяйки еще продолжали развешивать там свое белье.

«Ну, раз женщины не боятся сюда ходить, так можно ли бояться мне, мужчине?!» – подумал я и сразу направился в дальний левый угол, где было особенно темно и сыро. Я протянул руки вперед, чтобы не наткнуться в темноте на какую-нибудь балку или на низкие деревянные перекрытия.

Неожиданно руки мои обхватили что-то холодное и сырое. Бочка! Вот она, бочка с кислой капустой, которая протухнет здесь из-за страшных рассказов Виктории Владимировны! Именно здесь, под этой самой заброшенной бочкой, и должно находиться письмо. Я нагнулся, пошарил рукой и сразу нащупал конверт. Я вынул его из-под бочки и хотел тут же вскрыть, но кругом было темно, и я мог как-нибудь случайно вместе с конвертом порвать и само письмо, в котором заключалось «раскрытие всех тайн».

Я быстро направился к разбитому окну. Возле него было холодно, но я от волнения не замечал ни холода, ни снежинок, которые садились мне на лицо и сразу таяли. На конверте уже не печатными буквами и не на пишущей машинке, а самым обыкновенным и каким-то очень знакомым мне почерком было написано:

«Себе Котлову (лично)».

Я разорвал конверт и с волнением прочитал вот что:

"А ты, оказывается, не такой уж трус, Котелок! А я-то думал, что ты у нас совсем прохудился! Ну что ж, допустим, что история с собакой была просто случайностью.

Получай же, младший Котелок, награду за свою сегодняшнюю храбрость! Я раскрою перед тобой все секреты, которые так мучают тебя и чуть было не довели до врача-психиатра. Это уж слишком! И поэтому я больше не буду мучить тебя.

Знай, что три таинственные буквы «ТСБ» обозначают вовсе не название какой-нибудь тайной организации и не инициалы каких-то твоих товарищей-одноклассников, на которых ты совершенно напрасно орал. «ТСБ» – это значит: «Твой старший брат». А так как брат у тебя всего-навсего один – значит, это я и есть: Дима!

Когда вы с Витькой ломали себе голову и никак не могли раскусить три загадочные буквы, вы там случайно выкрикнули: «Тайный Сигнал Барабанщика»!

Можно, пожалуй, и так расшифровать. Ведь каждый раз, когда ты сбивался с дороги, я начинал бить в барабан: старался подать тебе тайный сигнал тревоги.

Да, это я переложил ежа обратно к тебе в парту. Это я бросил в почтовый ящик Витику-Нытику условия задач, которые вам задали на дом. И я послал вам обоим одинаковые записки с разными подписями. Я, как видишь, пытался срывать все твои нехорошие, нечестные планы.

Это я, конечно, тот самый сосед Степана Петровича, который интересуется астрономией. Это я взял у него бинокль и, не без помощи папы, переслал его тебе вместе с

той самой запиской. Ну как, увидели искусственный спутник?

Это я на переменках, когда ты убежал в буфет, подкладывал тебе в парту бумажки с разными предложениями и советами. Я, выходит, но только мешал тебе, но и помогал немножко. Да, я старался помочь тебе во всех твоих хороших, честных планах и затеях.

Теперь остается объяснить самое главное: откуда я узнавал заранее обо всех твоих замыслах? Да очень просто: из твоего собственного дневника! Ты ведь сам просил меня иногда заглядывать в эту тетрадку, проверять, правильно ли ты ведешь дневник. Забыл уже?" И как это я в самом деле забыл об этой своей дурацкой просьбе? И как не додумался до такой простой вещи, что из дневника можно узнать обо всем, что я сделал, и даже о том, что хочу сделать завтра, или послезавтра, или вообще в будущем?!

Дальше Дима писал:

"Ты ведь часто почитываешь мой дневник, а я вот почитывал твой. Только ты не догадался разыграть меня, хоть тебя и называют некоторые «великим комбинатором». А я вот догадался! Очень рад, если этот небольшой розыгрыш пойдет тебе на пользу!

С приветом ТСБ, то есть твой старший брат Дима".

Вдруг я вздрогнул: с треугольным чердачным окном, со стороны улицы, поравнялась чья-то голова в шапке-ушанке. И тут же скрылась. Что это?

Неужели Виктория Владимировна была права? Я выглянул в окно – и у меня зашевелило в носу от смеха. К крыше нашего дома была прикреплена самая обыкновенная лебедка, от нее вниз шли металлические канаты, на которых в люльке преспокойно разъезжал штукатур. Он приводил в порядок облицовку нашего дома. Так вот каких веревок испугалась ночью Виктория Владимировна!

И тут уж все мои страхи сразу рассеялись. Как это смешно, что я испугался какого-то несчастного рукава от старой телогрейки и рваного сапога! Да ведь некоторые наши жильцы выбрасывают на «черную лестницу» всякий ненужный хлам, домоуправ даже хотел оштрафовать их за это. Как же я забыл? С перепугу, наверно. Эх, младший Котелок! Знал бы об этом Дима!.. Уж он бы тогда не начал свое письмо словами: «А ты, оказывается, не такой уж трус!» Но он об этом не узнает: я не буду больше держать свой дневник на столе. Я спрячу его куда-нибудь подальше! Хватит с меня розыгрышей! Довольно!..

23 декабря 1957 года

Сегодня я кончаю писать свой дневник. Это ведь, оказывается, очень опасное дело: все могут узнать мои мысли и про все мои поступки тоже. Нет, не хочу!

Писать про себя только одно хорошее, то есть писать неправду, совсем неинтересно. Это мама правильно говорила. А описывать все, как есть на самом деле, очень опасно.

Ведь если этот дневник через много-много лет будут читать мои дети и внуки, они скажут: «Ишь ты, какие номера откалывал в детстве наш папа (или дедушка)!» И тоже начнут вытворять что-нибудь похожее. И это будет, как говорится, непедагогично! А если я стану когда-нибудь знаменитым человеком и мой дневник попадет в музей, то и тогда тоже получится нехорошо. Люди будут читать в музее эту тетрадку и говорить: «А ведь и у него тоже были недостатки. Прямо как у наших детей... Кто бы мог подумать!» Нет, я не буду больше вести дневник! А эту тетрадку разорву на мелкие клочки или даже сожгу где-нибудь в печке.

Дима, правда, говорит, что есть еще и другой выход: не думать и не делать ничего такого, о чем стыдно было бы писать в дневнике и за что могли бы насмехаться надо мною мои будущие дети и внуки.

– Поборись со своими недостатками! – сказал Дима.

Может, я и поборюсь... Но это ведь не так-то легко! А пока я еще не поборол, не победил своих недостатков, обойдусь без дневника. Так я решил.

И пусть «ТСБ», то есть Дима, говорит все, что хочет!..

